

Е. П. КАРНОВИЧ

РОДОВЫЕ
ПРОЗВАНИЯ
И
ТИТУЛЫ
В
РОССИИ

Издательство Международного Фонда Истории Науки, Санкт-Петербург,
1991
ISBN: 5-86050-003-3
FB2: ©, 06 August 2019, version 1.0
UUID: A0DBB694-93A2-4D3C-8E0C-17C9BDF1FF0B
PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Евгений Петрович Карнович

Родовые прозвания и титулы в России. Слияние иноземцев с русскими

Книга представляет собой переиздание вышедшего в 1886 году сборника статей известного историка и писателя Е. П. Карновича (1824–1885), посвященных вопросам генеалогии российского дворянства и особенностям титулования.

Статьи, носящие скорее характер историко-этнологических исследований и основанные на обширном материале, написаны живым и доступным языком. Переиздание сборника дает современному читателю возможность разобраться в полузабытых или малоизвестных вопросах происхождения и взаимосвязей известных дворянских фамилий России, Польши, Прибалтики и Украины, особенностях обращения и титулования, происхождении дворянских титулов России и их старшинстве, взаимосвязях русских дворянских семей с иностранными и некоторых других вопросах, связанных с историей российского дворянства, рассчитана на широкий круг читателей.

Содержание

От издательства	0005
Родовые прозвания в России	0007
Титулы в России	0153
I Титулы Царствующего Дома	0153
II Почетные дворянские титулы	0161
III Княжеские титулы в России	0163
IV Графские титулы	0186
V Титулы светлости и сиятельства	0203
VI Баронский титул	0209
Слияние иноземцев с русскими (Исторический очерк) [1]	0219

Карнович Евгений Петрович
**«РОДОВЫЕ ПРОЗВАНИЯ И
ТИТУЛЫ В РОССИИ»
Слияние иноземцев с
русскими**

От издательства

Текст предлагаемой книги публикуется по изданию А. С. Суворина, С.-Петербург, 1886 г., выпущенному в связи с кончиной ее автора. Никаких текстологических изменений и сокращений не производилось, за исключением исправлений очевидных опечаток, а также приведения ряда слов и окончаний к современной орфографии.

Не производились такие коррективы в части цитат, а также в случаях словоупотребления, отражающих авторский стиль, и в окончаниях типа — *ою*, — *ею*, не вышедших из нормативного употребления. Полностью сохранены ангорская пунктуация и облик библиографических ссылок.

Издательство планирует продолжить выпуск переизданий популярной исторической литературы минувшего времени, как на основе вышеизложенного текстологического подхода, так и в виде репринтных воспроизведений. При этом нам бы хотелось максимально учитывать интересы наших читателей, поэтому мы просим вас направлять свои отзы-

ВЫ, замечания и предложения по адресу:

196211, СПб, пр. Космонавтов, д. 35, комн. 27.

Родовые прозвания в России

I

Едва ли в каком-нибудь европейском государстве родовые или фамильные прозвания представляют такое разнообразие и в отношении слов, от которых они произведены, и в отношении их окончаний, какое представляют они в русском государстве, вследствие разноплеменного его состава. В этом отношении Российская империя очень близко подходит к Австрийской, где тоже, вследствие разноплеменности населения, встречаются самые разнообразные фамильные прозвания: немецкие, венгерские, чешские, руссинские, польские, итальянские, сербские, хорватские и т. д.

Подобное разнообразие этих прозваний ослабевает в государствах чисто германских, а также в Италии и во Франции, где почти каждое родовое прозвание оказывается заимствованным из языка господствующей народности, с усвоением свойственных ему окончаний и слогаударений. В других же небольших

государствах, — за исключением королевства Бельгийского и Швейцарской республики, — как, например, в Швеции, Норвегии, Голландии и Дании, после утраты ею немецких герцогств, — разнообразие фамильных прозваний, как проявление отдельных народностей, совершенно исчезает. Что же касается Бельгии, то там, вследствие смешения двух национальностей, фламандской и французской, племенная разница слишком отражается на родовых прозваниях ее обитателей. То же следует сказать и о Швейцарии, где французские и немецкие прозвания смешаны с итальянскими, согласно распределению национальностей по кантонам.

В Англии, под влиянием двойственного состава господствующего типа языка, заимствованные из него фамилии сохраняют отпечаток племенного смешения, но, тем не менее, они являются «английскими», и их очень легко отличить от фамильных прозваний, употребляемых не только ирландцами, но даже и ближайшими соседями англичан — шотландцами.

Хотя в Испании в фамильные прозвания и

попало немало арабских слов, но, тем не менее, такие прозвания сделались исключительно испанскими, так как сходных с ними не встречается в других странах Европы, за исключением разве Португалии, где в этом отношении проглядывает ее племенное сродство с Испаниею. В Испании, впрочем, встречается одна особенность: там обыкновенно к фамилии отца прибавляется еще фамилия матери, бабушки и даже, по какому-нибудь особому случаю, и более отдаленной прародительницы. Относительно Греции должно заметить, что в ней хотя и существует множество фамильных прозваний, заимствованных из древнего греческого языка, с окончаниями, свойственными ново-греческому языку, но что наряду с ними является немало прозваний, которые звучат очень сходно с фамилиями итальянскими. Прибавление вначале к греческим прозваниям слова «папа» означает происхождение рода от лица духовного звания, например: Папаафанасопуло, Папаригопуло. О фамильных прозваниях, установившихся у славян, мы скажем особо, в связи с происхождением русских родовых прозва-

ний,

У евреев, да и вообще на Востоке, родовые прозвания не в большом употреблении. В Японии существуют наследственные фамильные прозвания, заимствованные от названий местностей, одушевленных и неодушевленных предметов и отвлеченных понятий; при этом к родовому прозванию, заимствованному от местности, в отличие от этой последней, прибавляется окончание «до», что до некоторой степени соответствует русским окончаниям на «ич», «ин» и «ец», например: пскович, калужанин, пошехонец. О фамильных прозваниях у китайцев нам не привелось встретить никаких сведений.

Заметим при этом, что ни в западноевропейской литературе, ни в нашей нет особого исследования о фамильных прозваниях, и потому нам при составлении настоящей статьи могли служить только отрывочные заметки, заимствованные нами разновременно из исторических и этнографических сочинений.

Говоря выше о фамильных прозваниях в России, мы употребили слова; государство и империя, так как при этом подразумевали не

господствующий в ней племенной состав, но только политическую совокупность ее разнообразных областей. Если же затем принять в соображение племенное или областное распределение России, то упомянутое крайнее разнообразие, — точно так же, как и в австрийской империи, — не будет уже так резко, потому что в России окажутся громадные пространства, на которых, вследствие сплошного населения одной какой-либо народности, установилось чрезвычайное однообразие в фамильных прозваниях, свойственных более или менее исключительно лишь той или другой местности. Так, в одной полосе России господствуют великорусские фамильные прозвания, в другой — малорусские, в третьей — польские, в четвертой — литовские, в пятой — татарские, в шестой — грузинские и т. д., так что родовые прозвания, встречающиеся там и не подходящие к той или другой преобладающей народности, свидетельствуют собственно о том, что лица, их носящие, не принадлежат, по их происхождению, к коренному туземному населению. Если в великорусских губерниях какой-нибудь Шмидт,

Кауфман, Шварц, Миллер могут считаться, вследствие их полного обрусения, русскими, то все же по отношению к коренным жителям — Ивановым, Парфеновым, Кузнецовым они должны, по своему происхождению, считаться чужаками. Точно так же эти последние, в свою очередь, будут считаться чужаками по происхождению среди Гогенгаузенов, Штернбергов, Офситалей и т. д., хотя бы они и онемечились вполне. Вообще же фамильная исключительность из господствующей народности бывает в тех местностях, где сплошно и исконно живут представители такого племени, у которого родовые прозвания заимствованы из местного языка с свойственными ему в этом случае окончаниями и слогаударениями, и чем более бывает обособленно какое-либо племя от другого, тем более чувствуется неподходямость среди него иноземных родовых прозваний. Впрочем, в большинстве случаев так называемая ныне «интеллигенция», особенно в России, представляет заметные отклонения от этого общего правила, на что мы и укажем впоследствии.

Ввиду того разнообразия, какое оказывается и в производстве, и в окончаниях фамильных прозваний, встречаемых среди русского дворянства и нашей интеллигенции вообще, — прозваний, указывающих очень часто на иноплеменность представителей этих частей населения, нужно, прежде всего, спросить: кого следует считать русским человеком? Кажется, что в этом случае, помимо всякого вопроса о фамильном прозвании, языке и вере, следует прежде всего принимать в соображение ближайшее кровное родство каждого. Какого бы чуждого русским людям происхождения ни был человек, удерживающий по мужскому колену свою чужестранную фамилию, но если его мать, бабка, прабабка и так далее были коренные русские, то и он несомненно должен считаться вполне русским по своей породе. При этом условии потомок каждого иноземца будет все более и более отдаляться от своих прежних родичей по предкам, и если он со временем не будет уже иметь в своем близком родстве, по тем коле-

нам, от которых он происходит, никого из иноплеменных, и если, таким образом, все прежние его родственные связи с представителями не русского племени будут порваны и он станет для них чужим человеком, — то может считаться вполне русским. В фамильном его прозвании будет сохраняться только память о принадлежности его по родоначальнику к чужой национальности. При таких условиях он часто может быть более родовитым русским, нежели человек, хотя бы и носящий самое коренное русское прозвище, тем более, что среди людей с такими прозвищами, как мы увидим это далее, могут встречаться такие, которые, по своему происхождению, даже вовсе не принадлежат к русскому племени ни по мужскому, ни по женскому коленам. Вообще даже самое употребительное среди какой-либо национальности родовое прозвание не может само по себе свидетельствовать о принадлежности к ней лицо, носящего такое прозвание. Например, в Восточной Пруссии очень многие коренные местные фамилии оканчиваются на «ов», как-то: Застров, Бюлов, Базедов, Крассов и многие другие, но

лица, носящие эти, по-видимому, великорусские фамилии, решительно никакого отношения к России не имеют.

Обрусевших вполне указанным выше способом людей, но сохранивших свои чужеземные родовые прозвания, встречается теперь у нас очень много среди всех сословий. Встречалось их немало и в старину, но тогда они были менее заметны, так как иноземные родовые прозвища или заменялись чисто русскими, или переименовывались на русский лад до такой степени, что прозвища эти становились неузнаваемыми и очень часто утрачивали совершенно их первоначальный иноземный отпечаток. В одной из далее следующих статей, под заглавием: «О слиянии русских с иноземцами», я уже указал на то, что большая часть знаменитых наших деятелей происходили от чужеземных выходцев, потомство которых впоследствии совершенно обрусело и даже прикрылось чисто русскими родовыми прозвищами. Поэтому в настоящей моей статье я не буду вовсе ссылаться на другие мои указания, но приведу новые и притом такие, которые должны иметь общее зна-

чение, а не касаться тех частных, которым было посвящено упомянутое выше исследование.

III

Ознакомление с происхождением родовых прозваний имеет не только относительную важность в истории страны вообще, но указывает очень часто на политическое ее развитие в ту или другую пору, а также на бытовые черты и нравственные понятия, господствовавшие среди того или другого народа.

Введение у какого-нибудь народа фамильных или родовых прозваний свидетельствует прежде всего о водворении среди него гражданственности. Это один из наиболее заметных ее признаков. В простом, несложном быту не встречается необходимости в таком способе определения каждой личности по его роду. Там довольствуются только прозванием, кому-либо лично присвоенным, без наследственного перехода родового прозвища. В той среде, где нет у человека особых наследственных прав, гражданских или имущественных,

он может пробыть весь свой век под одним лишь личным своим именем или особым прозванием. При совершенно простой бытовой обстановке, где не существует вовсе наследственно-сословных разделений, человеку не предстоит никакой надобности знать не только имена своих предков, но даже и имя своего отца, потому что этим не обуславливаются ни общественное его положение, ни его имущественные права. Справедливость высказанного замечания подтверждается у нас в России двумя следующими примерами. Так, в прежнее время все наше крестьянство, поголовно бесправное и закрепощенное или казне, или частным лицам, не употребляло вовсе родовых прозваний, довольствуясь только крестными именами и личными прозвищами. Между тем, среди горожан, пользовавшихся все-таки кое-какими правами и встречавших надобность в разных сделках по родовому имуществу, начали устанавливаться родовые прозвания. В большем сравнительно с этим употреблении были такие прозвания среди нашего купечества, именно вследствие более широких его прав, сравнительно с пра-

вами мещан, а у боярства они почти уже три столетия тому назад установились окончательно, преимущественно в силу местничества, опиравшегося на родовые заслуги. То же самое явилось необходимым для служилых людей вообще, владевших вотчинами на наследственном праве, так как сбивчивость и неясность родовых прозваний неизбежно должны были затруднять переход наследственной поземельной собственности от одного лица или одного поколения к другому. Далее мы увидим, что когда вотчинно-наследственное право окончательно установилось и расширилось, то московские служилые люди, или тогдашнее русское дворянство заметно стало заботиться о том, чтобы насколько возможно с большею точностью определить свои родственные связи общим родовым прозванием, с тем чтобы заранее упрочить свои наследственные права, а в то же время оказывались у них противники, отвергавшие их притязания на общее родовое прозвание, как это было, например, в деле Самариных с Квашниными. В этом деле явно было заметно желание отстранить таких родичей, которые,

рано или поздно, могли быть соучастниками в разделе вотчинного наследства. В православном духовенстве фамильные прозвания начали устанавливаться не в давнее время, так как оно представляло отдельное сословие и состояло на особом положении относительно имуществ.

Применительно к приведенному нами замечанию насчет крестьян, можно сделать подобное же замечание и относительно еврейского населения как в России, так и в других странах. Пока евреи не пользовались в той или другой стране никакими гражданскими правами, среди них очень редко могли встретиться такие случаи, в которых необходимо было прибегать к указаниям на фамильные прозвища, и только в недавнее время эти последние начали устанавливаться между ними окончательно, именно под влиянием их гражданского положения и признания за ними наследственных имущественных прав. При этом надобно заметить, что только законодательство положило конец произвольным переменам родовых прозваний среди еврейского населения в России.

IV

Родовые прозвания были в употреблении у древних греков и римлян, достигших уже известной гражданственности, но как у тех, так и у других они не считались безусловною принадлежностью каждого лица или рода и, по-видимому, главным образом, служили только признаком знатного аристократического или патрицианского происхождения, так что в употреблении таких прозваний скорее выражалось тщеславие или гордость наследственным именем, нежели его необходимость в каких-либо общественных сношениях, гражданских делах и имущественных сделках; у греков это означалось прибавлением к имени родоначальника окончания «ид», например: Гераклид, Пизистратид и такое окончание соответствует славянскому «ич». У римлян, кроме общего родового прозвания (*nomen gentile*), оканчивавшегося всегда на «ius», как-то *Iulius*, *Tullius*, встречаются особые названия (*cognomena*) той или другой отрасли одного рода, например: *Caesar*, *Cicero*, *Scipio*. У

нынешних европейских народов фамильные прозвания стали являться по мере развития среди них гражданственности, но чрезвычайно редко упрочивались окончательно за тем или другим родом, меняясь обыкновенно в нисходящих поколениях, так что об общем родоначалии и родственных, по мужскому колену, связях свидетельствовали в большей части случаев не фамильные прозвания, но предания, родословные росписи, гербы и переходы земельных владений по наследственному праву, по занятиям. Такие родовые прозвания стали являться еще в XII веке и оканчивались у испанцев на «ez». Такое окончание имеет тоже значение происхождения от кого или откуда-нибудь, как и значение славянского окончания «ич». Некоторые европейские народы кельтского племени установили у себя особые признаки для означения родовых прозваний. Так у шотландцев явилось слово — «Мак», а у ирландцев «О», и оба эти слова начали ставить перед тем словом, которым означалось фамильное прозвание, как например: Мак-Леллан, Мак-Дональд, О'Рейлн, О'Доннель и т. д.; у норманов яви-

лась прибавка «Фиц» перед именем, обратившимся в родовое прозвание, например: Фиц-Геральд, Фиц-Джемс. Замечательно, что во многих языках, а между прочим, и у нас, прибавка эта, переделанная в латино-французское слово «vice», т. е. вице, стала употребляться для означения связи одной должности с другой, например: vice-roi, вице-президент и т. д.

У других европейских народов главным признаком родовых прозваний, — правда, не без частных исключений, — сделались окончания, преимущественно означающие происхождение от отца, деда, прадеда и т. д.; особенно это стало заметно среди славянских племен, а между прочим и у нас, русских.

У великоруссов, прежде чем начали входить в употребление фамильные прозвания, долженствовали свидетельствовать о родovitости тех, кто их носил, — гражданское или, точнее говоря, служебное положение, а вместе с тем и отношения к верховным правителям страны стали определяться изменением личных имен, данных при крещении. Это видно из отписок служилых людей к госу-

дарям. Так, в отписках великому князю Ивану III знатные люди писались полными именами: Василий, Алексей, Федор; менее знатные — полуименами: Васюк, Алексеец, Федорец, а еще менее значительные люди или «людишки» — уничижительными: Васька, Алешка, Федька, а при Иване IV Грозном даже и знатные лица, в качестве царских холопов, стали писаться не только уменьшительными, но большею частью и уничижительными именами. Подобное изменение происходило по мере возрастания власти великих князей московских, и в отношении издавна употреблявшихся на Руси отчеств это изменение более всего повлияло, как мы увидим далее, на установление глазного признака коренных великорусских прозвищ.

V

На феодальном Западе первые родовые прозвания оказались среди дворянства еще в X веке, но и там они сперва не упрочивались за потомками тех, кто их носил, или впервые, или наследственно. Названия эти заимство-

вались, в силу склада тамошней политической жизни, преимущественно от названий тех наследственных или пожалованных поместий, которыми владел родоначальник, и изменялись по временам в той или другой отрасли его потомства в зависимости от названия новых поместий, приобретаемых позднейшими членами этих отраслей, или вследствие пожалования каких-либо почетных дворянских титулов. Так, например, знаменитая французская фамилия Монморанси разделилась на многие отрасли под особыми родовыми прозваниями: де-Невилль, деТорн, де-Фоссе, де-Лорен, де-Бутвилль, де-Монлери и т. д.

То же самое представлялось в Германии, Италии, Англии. Замечательно, например, что в Англии переселившаяся туда, до занятия ими в исходе XIII столетия императорско-германского престола, отрасль знаменитых Габсбургов, давших Германии длинный ряд императоров, носит скромное прозвание Фильдингов.

В Польше, где под влиянием Запада привились, хотя и слабо, феодальные понятия, фа-

мильные прозвания заимствовались первоначально, — как это было и на Руси, — от личных прозвищ отца, деда или кого-нибудь из предков, но потом стали заимствоваться и от имени земельных владений: городов, местечек, сел, деревень и рек. Первоначально к таким позаимствованиям, применительно к французской дворянской, собственно даже латинской частичке «de», а также немецкой — «von», присоединялась частичка «z», т. е. «из», или «на», например: «z Myszkowa», «na Czetwertnie», но со временем эти отдельные частички стали заменяться вообще окончанием на «ski», и тогда составились фамильные прозвания: Мышковский, Четвертинский и т. д. Сверх того, в некоторых фамилиях стоявший прежде отдельно предлог «z» слился с родовым прозванием: например, прозвание «z Wogowa» т. е. из Борóва, обратилось в Зборовский.

Принадлежностью польских дворянских фамилий, значительная часть которых состоит ныне в русском подданстве, явилась особая к ним прибавка, так называемый «przydomek», не усвоенная ни одним европей-

ским народом. Для объяснения этого надобно сказать следующее: в Польше не существовало, — как существовало на Западе и как, в подражание ему, было заведено и у нас, — отдельных фамильных гербов. Во всей польской геральдике было всего сотни три дворянских гербов, да и то большею частью занесенных из-чужа: из Германии, Венгрии, Чехии, Дании, Италии и других стран. Каждый герб имел особое название, не заключавшее иногда в себе никакого значения и не соответствовавшее очень часто геральдическим изображениям, внесенным в герб. Так, например, были гербы: Абданк, Лелива, Элита, Наленч, Порай, Слеповрон, Кобытут и проч. Такие гербы служили как бы знаменами особых воинских отрядов и шляхетских братств, к каждому новому шляхтичу, родом поляк или переселившийся в Польшу иностранец, если он получал там «индегинат», т. е. право гражданства, приписывался к одному из существовавших в Польше гербов, причем название герба обращалось в «рпудомек», как бы в придаточную фамилию шляхтича, как, например: Наленч-Рачинский, Элита-Михайловский, Бонч-

Осмоловский и т. д. В числе упомянутых существовавших когда-то в Польше гербов был один, называвшийся «Князь». Слово «kniiaz» не существовало в польском языке, а потому оно и не могло иметь того значения, какое имело у нас. Между тем, к гербу «Князь» приписалось несколько неважных и даже вовсе не старинных шляхетских родов, в числе которых явился на Волыни шляхетский род Пожарских, столь многочисленный, что составил из себя особый деревенский поселок. Когда Волынь была присоединена к России, то простые шляхтичи Пожарские, узнав, какое значение имеет в русском языке слово «князь», да, вдобавок к тому, проведав об оставленной в русских летописях князем Пожарским громкой славе, стали вполне законно писать и свой «przydomek», и свою фамилию, и тогда явилось на Волыни множество «князей» Пожарских, собственно Князь-Пожарских. С своей стороны, наши мало сведущие или даже вовсе не сведущие в польской геральдике чиновники разных ведомств сделали из прозвания герба титул, а некоторые описатели Волыни из русских приняли этих

шляхтичей за потомков русских князей Пожарских, родичей знаменитого князя Дмитрия Михайловича, род которого вымер в России, но будто бы продолжается еще на Волыни, в потомстве вышедшего когда-то туда из Москвы одного из князей Пожарских. К таким мнимым князьям, и только по названию герба, принадлежат разные неизвестные шляхтичи: Жагели, Гингляты, Кречинские и многие другие.

В противоположность этому встречаются случаи, где титулы обращаются в фамильные прозвания. Так, в Польше существует старинный род Зеновичей, сербского происхождения, и одна из его отраслей носит в России фамилию Зиновьевых. К фамильному прозванию Зеновичей, как дополнительное прозвание, прибавляется слово «Деспот», тогда как прибавка эта составляет собственно титул, заимствованный из греческого языка и означающий «господарь». Другой пример: в Дании существовала некогда особая дворянско-земская должность, и лица, наследственно исполнявшие ее, носили название «дрост»; впоследствии оно обратилось в фамильное про-

звание, почему в Дании встречается немало фамилий, пред которыми ставится отдельно или сливается слово «Дрост», как фамильное прозвание. У нас тоже встречается один пример обращения титула в фамильное прозвание, Так, князя Юсуповы писались прежде Юсуповы-Княжево, без прибавления княжеского титула.

В другую славянскую землю, Чехию или Богемию, проникли тоже феодальные понятия от немцев-соседей. У чехов не было сперва никаких родовых прозваний, а были только личные, которые в иных случаях, переходя от отца к сыну, а затем к внуку и правнуку, обращались в фамильные прозвания. Но со временем в Чехии и особенно в Силезии, а также и в Моравии стали прибавлять к прежним личным прозваниям прозвания, заимствованные иногда и от местностей, с прибавлением окончания «вич» или «ич», означавшего происхождение или по крови, или по месту рождения и обратившегося впоследствии и для обозначения владения каким-либо наследственным поместьем. Так, например, в Силезии владелец Митрова назывался

Митрович, но когда он выстроил новый замок и назвал его по своей фамилии Митрович, то к этой прежней фамилии прибавилась еще новая, с окончанием на «ски», и затем стали называться как он, так и его потомки Митровичами-Митровскими. Подобным изменениям подвергались и немецкие, и итальянские фамилии. Так, например, фамилия Стош, обратилась в Стошович и в Стошовский; фамилия Villa-Nuova — сперва в Виланова, потом в Виланович, а затем к ней прибавилось еще прозвание Вилановский. То же было и с другой итальянской фамилией Casa-Nuova, из которой сделалась Казанович-Казановский. Оттого-то в Силезии, Моравии и в тех частях Саксонии, где когда-то жили онемечившиеся ныне славяне, попадаетея множество городков, замков, деревень и урочищ с окончанием на «ич», по отсутствию в немецком языке звука, соответствующего букве «ч». У нас не только в западной и южной Руси, но и в примосковских губерниях встречаются населенные местности с названием, кончающимся на «чи»; ясно, что такие названия имеют значение родовых прозва-

ний. Такие коренные русские окончания изменились на «во», как, напр., в Орловской губернии в недавнее время стали называть село Дятковичи — Дятково. В этом увидели своего рода обрусение, не сообразив, что прежнее народное прозвание было заменено прозвищем, — данным по образцам московских приказов, в противность народному говору.

VI

У других славянских племен, не затронутых феодализмом, фамилии образовались двояким образом: или в виде простых личных прозваний, переходивших наследственно от одного поколения к другому, без всякого изменения, или с прибавкою к ним окончания «ич», употребляемого в смысле полного русского отчества. Оттого у сербов, хорватов, иллирийцев, черногорцев, словаков встречается такое множество фамильных прозваний с упомянутым окончанием.

На Руси, совершенно чуждой феодальной закваски, фамильные прозвания по владениям вовсе не употреблялись.

Замечательно, что даже удельные князья не титуловали себя по своим княжениям. Не встречается, например, ни одной такой записи из удельной поры, в которой значилось бы: «я, князь (имя рек) Переяславский», или: «я, князь (имя рек) Ростовский». Это объясняется, конечно, тем, что удельные князья, в силу родового старейшинства, переходили беспрестанно с одного удела на другой и потому не могли утверждать за собою названия княжений и волостей и тем еще менее могли усвоить такое название за своими сыновьями и потомками. Такие названия, да и то в весьма немногих случаях, установились, как мы увидим далее, лишь по уничтожения удельной системы, т. е. когда уже не было никаких передвижений владельцев по существовавшим прежде удельным княжениям. Укажем при этом еще и на то, что из русских дворянских фамилий, внесенных в «Бархатную книгу», т. е. фамилий, принадлежавших к старейшему русскому дворянству, нет ни одной, которая происходила бы от названия вотчины или поместья. Некоторые наши историки заявляли, будто в России существовала когда-то

феодальная система, но указанный нами факт лучше всего свидетельствует, что ее на Руси никогда не было, так как первым ее признаком служит существование древнего дворянства, получившего свои фамильные прозвания по поземельным владениям.

Из инородческо-княжеских фамилий в России прозвание по местностям (да и то большею частью в значении той местности, из которой они вышли в Россию, но не действительного их владения) удержали также немногие фамилии, как-то: Черкасские, называвшиеся прежде Жеженскими, вероятно, Чеченскими, а также роды князей Мещерских, Несвицких, Сибирских, Тюменских, Пелымских и Ширинских. Первоначально князья Дондуковы назывались Торгоутскими. Другие княжеско-инородческие роды приняли фамилии по прозвищам или по именам кого-либо из предков, как, например, Урусовы, Юсуповы, Шейдяковы, Шихматовы и т. д.

Впоследствии, при утверждении московского единодержавия, слияние фамильного прозвания с названием поземельной собственности до такой степени было чуждо по-

нятиям русского дворянства, что у нас вовсе не установилось представленное жалованною, в 1785 году, дворянству грамотою право — писаться дворянам, сверх их фамилий, еще и названием по вотчинам и поместьям, тогда как подобным правом постоянно пользовалось все западно-феодалное дворянство и даже чрезвычайно дорожило им. Так поступало дворянство во Франции до последних дней своего существования. Да и потом там дорожили таким заявлением своего помещно-дворянского права, не говоря уже о подделках посредством прибавки частицы «de», иногда к самым простонародным прозваниям, тогда как эта частица должна, собственно, обозначать владельческое право на известную местность.

В домосковской Руси обращение собственного имени или личного прозвания в родовое обыкновенно совершалось придачею к первому окончанию «ич». Этим окончанием обозначались в летописях целые княжеские роды: Ольговичи или Олеговичи, Ростиславичи, Мстиславичи, Изяславичи, Рогволдовичи. Таким же окончанием обозначались и родовые

прозвища русских богатырей: Волгович, Попович, Чурилович, Пленкович, а также бояр, например: Кучковичи, Яруновичи, и вообще именитых людей: Бутович, Вышатич, Твердигневич, Селькович.

Такое окончание родовых прозвищ удержалось и доднесь среди коренного русского народа, где название кого-нибудь, хотя бы без крестного имени, но только по отчеству с «вичем», т. е. Семенычем, Трофимычем, Назарычем, служит знаком уважения и почета. Но Москва извела мало-помалу этот общий славяно-русский обычай. Москва, чересчур любившая умаление, выразила это стремление и в умалении как крестных имен подвластных ей людей, так и родовых их прозваний. И усечение отчества было направлено к принижению одной личности перед другою, считавшеюся «преимущей». Скажите, например: Зуболомов или Кособрюхов, и перед вами предстанут прежде всего образы современных богатырей из московского Охотного ряда. Но скажите: Зуболомич или Кособрюхович, и перед вами промелькнут облики древних богатырей Земли Русской. Русское ухо, чуткое к

отзвукам родного языка и к отголоскам отечественной истории, несомненно почувствует сразу резкую разницу между русско-историческим прозванием «Мономахович» и московско-приказным прозвищем «Мономахов», которое является, так сказать, окруженным славянским именованием. Известно также, что в народных наших песнях, былинах и сказках некоторые реки, как, напр., Дон и Дунай имеют отчества: первый — Иванович, второй — Селиванович, но назовите их по-московски Дон Иванов или Дунай Селиванов, и от их дополнительных прозваний отшатнется вся поэзия: они покажутся только или служивыми, или мещанами.

VII

Мы уже заметили, как крестные имена стали принимать уменьшительную, а затем и уничижительную форму перед лицом великих князей московских; последнее распространилось также и на отчества, а вследствие этого и на родовые прозвания. Во время господства Москвы явились, вместо Петра и Афа-

нася, — Петрушка и Афонька, а вместо Глебович и Васильевич — Глебов и Васильев.

Употребление личных, а затем и родовых прозваний в уменьшительной форме встречается часто у народов славянского происхождения, в особенности у чехов, но там такие прозвания имеют исключительно ласкательный смысл. На Руси родовые прозвания, в виде полного отчества на «ич», были, как замечено выше, выражением уважения и почета, но под влиянием московского духа начали придавать отчеству уменьшительную или собственно уничижительную форму усечкою от полного отчества окончания «ич».

Это доказывается тем, что самые великие князья продолжали, по-прежнему, «вичить» и самих себя, и своих сродников, а также «вичили» и тех лиц, которые пользовались их особенною милостью. Холопы «вичили» постоянно своих господ, а простые люди — знатных особ. Мало того, в московских отписках «вич» прибавлялся в знак почета к таким иноземным фамилиям, которые собственно не имели такого окончания. Так, напр., знаменитые литовские фамилии Радзивил, Сапега,

Довгерд писали в Москве: Радзивиловичи, Сапежичи, Довгердовичи, так как с представителями этих фамилий, по их политическому положению на их родине, приходилось обращаться почтительно и, выражаясь по-старинному, «не задирать их». Но в тех случаях, где Москва могла действовать без опаски, она в сокращении родовых прозвищ старалась выразить принижение подвластных ей лиц. Примеры такого принижения видны, между прочим, из того, что гетману Хмельницкому делались не раз из московских приказов замечания, что он «непристойно величается», прописывая в ссылках с Москвою свое отчество с «вичем», а малороссийские фамилии на «ич» подвергались там, тоже в виде умаления личности, урезыванию. Так, в московских столбцах, в исходе XVII века, гетмана Самойловича писали только Самойлов; другие малороссийские фамилии, например: Мокриевич, Домонтович, Якубович, Михневич обращались под пером московских приказных в Мокриев, Домонтов, Якубов, Михнев.

Старославянское окончание «ич» обратилось в исходе XVI века в особую чрезвычай-

ную награду, так как сам государь указывал, кого следует писать с «вичем». Первые такого рода награды встречаются со времени упрочения московского единовластия. Продолжались же они и при царе Петре, который в 1697 году дозволил князю Якову Федоровичу Долгорукову писаться с «вичем», а в 1700 году пожаловал такую же милостью и именитого человека Григория Строгонова.

В Великом Новгороде, до подчинения его Москве, удерживалась старинная славянская форма родовых прозваний в виде полного отчества, но Москва сокращала их по-своему, желая принизить «величавых мужей» новгородских. То же было и в Пскове, где в начале XVI столетия являлись, между прочим, следующие боярские фамилии: Строиловичи, Казачковичи, Дойниковичи, Райгуловичи, Ледовичи и Люшковичи, обратившиеся под влиянием Москвы в Строиловых, Казачковых, Дойниковых, Райгуловых, Ледовых и Люшковых.

В царствование императрицы Екатерины был составлен список тех весьма немногих, впрочем, лиц, которых в правительственных

бумагах следовало писать с «вичем». Когда же при печатании «чиновной росписи» возник общий вопрос, как в этом случае поступить с отчествами, то в ответ на это последовало такое распоряжение государыни: особ первых пяти классов писать полным отчеством; лиц от шестого до восьмого классов включительно — полуотчеством, а всех остальных — без отчества, только по именам.

Обыкновенно фамильные окончания на «ев», «ов» и «ин» считаются у нас признаком русской или, точнее говоря, великорусской народности. Это, однако, очень ошибочно уже потому, что таким же признаком отличаются все цыганские родовые прозвания, большинство татарских и весьма много еврейских. Однако после сказанного нами нельзя, как кажется, не признать, что указанные окончания, как установившиеся «административным порядком», не имеют вовсе такого значения, какое им обыкновенно придается, и что существующие с этими окончаниями фамилии сложились собственно по образцам, преподанным московскими дьяками и приказами. Сам же великорусский народ удержал,

как мы заметили выше, доньше старинный обычай, и среди него ни один простолюдин не окликнет и не назовет другого ни Ивановым, ни Харитоновым, ни Пахомовым, а назовет его Иванычем, Харитонычем, Пахомычем, если только он не пожелает принизить перед собою в зове или в разговоре того, к кому он обращается. Народ наш доньше сознает истинный смысл старомосковской выдумки. Так, например, по освобождении крестьян из крепостной зависимости, они стали называть свою братию с «вичем». Случалось так, что, например, помещик, Петр Петрович, стоя на крыльце, зовет мужика: Иван Семенов! А крестьяне, подхватывая этот зов, изменяют его так: «Ступай сюда, Иван Семеныч! Петр Петров тебя зовет!» Им, конечно, было приятно отплачивать «преимуществу» перед ними человеку таким казенным способом за свое прежнее принижение.

VIII

У нас обыкновенно считают фамилии на «ский», «цкий» и «ич» польскими, но это оши-

бочно. Во-первых, есть множество коренных русских фамилий, и даже среди великорусского православного духовенства, оканчивающихся на «ский» и «цкий». Если же среди него не встречается вовсе фамилий, оканчивающихся на «ич», то это происходит оттого, что фамилии среди духовенства, производимые от отчества или от разных прозваний, заменивших их, употреблялись без «ич», только как полуотчество. Во-вторых, у поляков нет вовсе фамилий, оканчивающихся на «ский» или «цкий», а есть только фамилии, оканчивающиеся, согласно общим свойствам их языка, на «ski» или «ski», т. е. без «и» краткого. В-третьих, наконец, русские фамилии, оканчивающиеся на «ский» или «цкий», пишутся так только в силу позднейшего русского правописания. В старое же время никогда, например, не писалось: Одоевский, Оболенский, Волконский, а писалось: Одоевской, Оболенской, Волконской. Таким образом, часто встречающиеся одинаковые, как у русских, так и у поляков, родовые прозвания следовало бы писать различно. Например: Островской, Красовской, Краевской, Добровольской, Залеской,

Заблоцкой, Левицкой, — последние две фамилии, если они русские, правильнее писать: Заблотской и Левитской, — будут фамилии чисто русские; но те же самые фамилии, написанные: Островски, Красовски, Краевски, Добровольски, Залески, Заблоцки, Левицки, будут фамилии чисто польские. Приведем еще в пример фамилию Шубинский. Написанная таким образом она может считаться и русской, и польской. Если же она только польская, то ее следует, согласно условиям польского произношения, писать — Шубиньски; если же русская — Шубинской, а, наконец, для полнейшего ее обрусения можно перенести ударение на первый слог и тогда выйдет Шубинской. То же самое можно сказать и о фамилии Семевски, Семевский и Семевской, Полонски, Полонский и Полонской и о многих других.

В настоящее время видимое обрусение польских фамилии производится чаще всего очень просто, а именно: обращением мягкой польской буквы «н», т. е. «нь», поставленной перед окончанием «ский», в твердую. Напр., написанная таким образом известная фами-

лия «Oginski» произносится по-польски Огиньски; в русском же произношении она обращается в Огинский и может явиться еще в более обруселом виде, если начать писать ее — Огинской. С своей стороны, и поляки ополячивают русские родовые прозвания очень легко применением их к польскому выговору, вследствие чего иная, вполне русская и даже православно-семинарская фамилия обращается в чисто польскую. Так, например, они пишут и выговаривают фамилию Введенской — Wiedenski — Веденьски, Воскресенской — Воскресеньски и т. д. В других случаях русская фамилия ополячивается лишь перенесением ударения с последнего слога на предпоследний; так, русская фамилия Шаховской может быть обращена в чисто польскую фамилию Ша'ховски.

Бывают иногда странные совпадения по случаю одинаковости между русскими и польскими фамилиями. Так, во время польского восстания в 1863 году, явились поляки-довудцы, напомнившие известных представителей тогдашнего русского театра. Таковыми довудцами были: Островский, Шумский,

Садовский и Тарновский. Вдобавок к этому, у поляков есть в настоящее время проживающий в Париже драматический писатель Островский. По-настоящему же русскую фамилию Островский, очень употребительную в нашем духовенстве, должно писать и произносить — Островской, а не Островский. У нас так много кричат об обрусении, а, между тем, ополячивают коренных русских людей по одному из главных признаков — по родовым прозваниям, и можно сделать немало такая указаний, какие мы сделали относительно прозвания Островский.

Происходит также обрусение польских родовых прозваний еще и вследствие изменения находящихся в них гласных букв применительно к русскому произношению тех слов, от которых произведена фамилия. Так, фамилия Пиотровский — от собственного имени Piotr — Петр — обращается у русских в Петровского, а Домбровский — от слова *dąbrowa*, т. е. дубрава, — в Дубровского. Сочувственники покойного Достоевского, желая обрусить вполне его прозвание, называют его «Достóевской», между тем как фамилия его,

по происхождению чисто польская, должна быть произносима — Достоевски.

Всего же легче обрусение какого-нибудь иностранного прозвища производится у нас совершенным его искажением на русский лад. Так, солдаты называли известного некогда по своей храбрости генерала Бистрома — Быстровым, а Паскевича, которого они называли сперва Пашкевичем, обрусили в Вашкевича. В исходе XVII столетия выехал в Москву какой-то служилый немец Гундрет-Маркт. Так как первая его фамилия была неудобна для русского выговора, то она и не вошла в употребление, но зато вторая фамилия как нельзя лучше поддавалась полному обрусению посредством выпуска из нее буквы «т» и прибавки окончания «ов». И действительно, при обрусении сыновей этого Гундрета-Маркта первое их прозвание было вовсе оставлено, а второе обратилось в Марков, т. е. в фамилию, по-видимому, чисто русского происхождения.

Приведем другой пример. В начале прошлого столетия (1701–1707 г.) жила в Москве жена доктора Пагенкампа. По смерти мужа,

она поступила в актрисы, и фамилии ее стали писать Поганкова. По матери стали так звать и ее сыновей, потомство которых существует и ныне под искаженным на русский лад прежним немецким прозванием, и, конечно под фамилиею Поганковых, чисто русскою по звуку и по окончанию, никак не придет в голову предполагать представителя чисто немецкой фамилии Пагенкампф. Встречается, еще и третий, подходящий к тому пример. При Петре Великом в числе служилых иноземцев находился немец Гаррах, которого переделали в Горох, а затем в Горохова, и от его фамилии получила свое название одна из петербургских улиц — Гороховая, на которой был дом упомянутого Гарраха или Гороха.

О других подобных изменениях разных иностранных фамилий, а также о замене их совершенно русскими новыми фамилиями среди древних русских дворянских родов, мы будем говорить в одной из следующей статей, озаглавленной: «Слияние иноземцев с русскими», а теперь заметим, что многие иностранные фамилии, оканчивающиеся на «о» и «и», очень легко поддаются полному обрусению.

нию. Так, живший некогда в Петербурге итальянец Баско обратился в Баскова, а другой итальянец Вавили — в Вавилина; знаменитый наш живописец Брюло писался Брюловым. Подобному легкому обрусению подверг свою фамилию известный некогда ректор харьковского университета Дегур, обратившись в Дегурова, а другой француз, живший в Москве, обрусил себя еще более замысловато. Написав свою фамилию Souchart навыворот, он получил слово «Драшус»; когда же он к этой переиначке прибавил окончание «ов», то оказался совершенно русским человеком по фамилии — Драшусов. Подверглась замечательному обрусению и одна старинная немецкая фамилия Кос-фон-Дален, обратившись в Козодавлева.

Бывали и другие еще превращения иностранных фамилий на русский лад. Так, один ярославский помещик, большой руки шутник, живший в начале нынешнего столетия, вздумал отпускаемым им на оброк крепостным людям давать фамилии известных лиц, бывших близких Наполеону I. Так, в выдаваемых при этом случае на жительство паспор-

тах он, например, писал: «крепостной мой дворовый человек Ермил Ерофеев, сын Даву, или Фуше, или Бернадот, отпущен мною для прокормления себя работою» и т. д. Забавляясь этим, он, между прочим, наименовал одного из своих отпущенников на оброк Коленкур — фамилиею известного французского посла при русском дворе; но впоследствии, при перемене этого паспорта в Москве управляющим помещика, никогда, быть может, ничего не слышавшем о Коленкуре, этот новый Коленкур обратился в Коленкорова, и если когда-нибудь потомство его прославится, то генеалогам трудно будет отыскать истинное происхождение такой фамилии.

IX

Что касается родовых прозваний, оканчивающихся на «ич», то таких коренных польских фамилий осталось очень немного. Всего же чаще встречаются такие фамилии у южных славян, не имеющих к Польше никаких отношений, кроме общего племенного родства, как и с Русью. Обреновичи, Стояновичи,

Бранковичи, Ненадовичи, Миятовичи — коренные сербские фамилии, Гардашевичи, Таловичи, Соколичи — фамилии боснийских бегов. Патриновичи, Алтимановичи, Беголичи, Столжевичи еще в отдаленные времена управляли Герцеговиною. В областях, бывших некогда подвластными Польше, окончание родовых прозвищ на «ич» считается даже признаком русского происхождения. Там среди издавна ополячившегося шляхетства встречаются, например, такие фамилии: Данил^ович, Сидор^ович, Ваньк^ович. Что фамилии эти русские, а не польские, доказывается уже тем, что у поляков нет собственных имен ни Данило, ни Сидора, а есть Даниель и Изидор, а также нет вовсе уменьшительного имени Ваньки, каким назывался какой-то зашлый в Литву русский князь, родоначальник Ваньковичей, а фамилия Сидоровичей происходит от русского посла Сидорова, бывшего в начале XVI века в Вильно и там оставившего свое ополячившееся потомство. К ополячившимся русским фамилиям принадлежат и такие знаменито-магнатские польские фамилии, как Тышкевичи и Ходкевичи. Знатные

некогда польские паны Немиричи были, чисто новгородского происхождения.

Названия русских городов входят также в великорусские родовые прозвания, в смысле уроженца или обывателя какого-нибудь города и притом в старинном значении слова «город», под которым подразумевались не только самый город, но и подлежащая ему ведению область или уезды. Так, например, от названия жителя города Волхова болховитин — произошла фамилия Болховитинов, от города Венева — веневитин, а от него прозвание Веневитинов, от Твери — тверитянин — фамилия Тверитянинов. Встречается и другой способ производства родовых прозваний от названия городских жителей городов, как-то: Туляков, Ярославцев, Ростовцев, Пошехонов, Казанцев и т. д. Такого рода прозвания особенно распространены среди великорусского купечества.

Слова, от которых производились в прежние времена русские фамильные прозвания, были чрезвычайно разнородны. Кроме имен собственных, и в обыкновенной, и в уменьшительной, и в уничижительной форме, упо-

треблялись названия разных предметов, иной раз даже и отвлеченных, а также личные прозвища и клички, преимущественно насмешливые, нередко лишённые всякого смысла в применении к нынешнему русскому языку. Нужно также сообразить, сколько к коренному великорусскому населению прибавилось иноплеменной смеси. Если, например, совершенно исчезли торки и печенеги, то все же они могли оставить более или менее слов из своих языков, и эти слова, обратившись в местные выражения, могли послужить корнем для русских родовых прозваний. В числе местных названий разных предметов, — названий, послуживших для того же самого, — есть множество слов, не употребляемых в общерусском разговорном языке. Многим ли из коренных русских известно, что, например, в некоторых местностях Владимирской губернии вода называется «валакша»? В некоторых местностях Тверской губернии «верека» значит плохая лошадь, «кляча», а в иных «вьятка» или «вятка» — клин земли, вдающийся в чужую землю, а «друзги» — хмель. На языке офеней — «дубас» означает

сарафан. Между тем от таких слов произошло очень много родовых прозваний, встречающихся ныне у нас во всех сословиях, почему иные фамилии, как кажется, не имеют никакого смысла, который, однако, таится в них.

Сверх того, в Восточной Руси повелся и такой еще обычай. Из боязни чар и волхвованных, при которых нужно было знать крестное имя того, на кого они направлялись, русские люди старались скрывать это последнее, так что нередко, — как это было, напр., с одним из любимцев царя Алексея Михайловича, оружейничим Богданом Матвеевичем Хитрово, крестное имя которого Иов, — сделалось известным только по смерти носившего его. Крестные имена в Москве очень часто заменялись не только другим христианским, но и татарскими, например, Булат, Мурат, Ахмат, так что и от таких подставных имен производились полуотчества, обращавшиеся потом в родовые прозвания людей, чисто русских по происхождению.

Были еще у нас в старину, ныне почти вышедшие из употребления, родовые прозвания на «во» или еще реже на «аго». Как образы-

вались прозвания с такими исключительными окончаниями, мы с точностью сказать не можем, но, насколько мы могли заметить из родословных росписей, повод к тому мог быть следующий. Положим, кто-нибудь носил личное прозвание Благой. Сын его назывался Благов, но если у этого последнего был сын, имевший то же крестное имя и такое же отчество, как его отец, то он, в отличие от этого последнего, прозывался Благово и передавал это прозвание своему потомству. Вследствие этого возникли прозвания: Хитрово, Дурново, Хромово, причем иной раз окончание «ов» обращалось в «аго».

Из существующих донныне княжеских фамилий, происходящих от Рюрика, только пять родов носят прозвания, заимствованные от удельных княжений, а именно: Мосальские, Елецкие, Звенигородские, Ростовские и Вяземские. Девять родов: Барятинские, Обленские, Шехонские, Прозоровские, Вадбольские, Шелешпанские, Ухтомские, Белосельские и Волконские приняли прозвания по принадлежавшим их родоначальникам вотчинам, но не по княжениям. Что же касается присоеди-

ненной к фамилии Белосельских фамилии Белозерских, то эта последняя давно уже не была родовой; но при учреждении одним из князей Белосельских командорства мальтийского ордена в России император Павел повелел ему, как старшему в роде князей Белозерских, именоваться и этою неупотреблявшею уже фамилиею. С своей стороны, московские государи не любили таких родовых дополнений. Так, царь Алексей Михайлович запретил князьям Ромодановским писаться, как старшим в роде князей Стародубских, общим их родовым прозванием, т. е. князьями Стародубскими, находя, что оно «не пристойно». По поводу такого запрета князь Григорий Григорьевич Ромодановский написал царю следующее челобитье.

«Пришла ко мне твоя Великаго Государя грамота, чтоб мне вперед Стародубским не писаться и до твоего царского указа писаться не стану, а прежде писался я для того: тебе, Великому Государю, известно, князишки мы Стародубовские и предки мои и отец и дядя писались Стародубские-Ромодановские, да дядя мой князь Иван

Петрович, как в Астрахани, за вас, великих государей, от вора лжеименитаго Августа, по вашей государской милости, написан в книгу, и страдания его объявляя в сборное воскресение, поминают Стародубовский-Ромадновский. Умилосердись, не веди у меня старой нашей честишки отнимать».

Подобным взглядом Москвы, желавшей сгладить воспоминания о родовом старейшинстве Рюриковичей, быть может, и объясняется то, что большая их часть освоила себе фамильные прозвания не по княжениям, а по личным прозваниям своих предков. Большая часть прозваний представителям княжеских родов, взамен наименований их по наследственным уделам, была дана великим князем Иваном III Васильевичем, так усердно истреблявшим удельные княжения. К числу таких фамилий, кроме уже вымерших, принадлежат ныне князья: Горчаковы, Долгоруковы, Щербатовы, Бабичевы, Путятины, Щетинины, Засекины, Солнцева, Дуловы, Крапоткины, Гагарины, Хилковы и Репнины. Без всякого сомнения, Москве, установившей в Восточ-

ной Руси единое великое княжение, должно было казаться «непристойным», если представители этих родов своими прозваниями напоминали ей о прежнем существовании старейших великих княжений: Черниговского, Смоленского, Рязанского и Ярославского. Хотя князья Ростовские и напоминали своею фамилиею о знаменитом некогда княжении Ростовском, но такое прозвание как бы ослаблялось приложением к каждой ветви этого дома особых прозваний по личным прозвищам родоначальников. Князей Ростовских в Москве собственно не было, но были существующие и донныне отдельные их отрасли, а именно: князья Лобановы, Касаткины и Щепины, с присвоением к каждой из этих отраслей общего, как бы только дополнительного прозвания. Удержание же названия Ростовских может быть объяснено тем, что при уступке Ростова Москве князья Ростовские выговорили себе и своим потомкам право, чтобы по приезде их в Ростов они были там встречаемы с особыми почестями, как владельцы князья, что и продолжалось до Екатерины II, отменившей такие встречи. Дозво-

ленным почетным отчеством, в виде родового прозвания, т. е. отчеством с окончанием на «вич», воспользовалась одна только отрасль дома Рюрикова. Роман, сын ярославского князя Василия Дмитриевича, построивший город Романов, имел несколько сыновей, дети которых стали писаться Романовичами, но вскоре род их прекратился, и после того в московской Руси ни княжеских, ни дворянских родовых прозваний с окончанием на «вич» уже не составлялось, так как окончание это при отчестве сделалось уже особою почетною наградой.

Х

Из дворянских фамилий, происшедших от Рюрика, одни только Ржевские удержали прозвание по их польской вотчине. Остальные же приняли прозвания по прозвищам их родоначальников или по их отчествам, как, например: Татищевы, Судаковы, Аладьины, Дмитриевы-Мамоновы, Цытлетевы, Ильины, Ивины, Березины, Осинины и другие.

Потомки великого князя литовского Геде-

мина получали в Литве фамильные прозвания по их владениям, за исключением лишь князей Корнатовичей-Курцевичей, но по переселении некоторых из них в Москву потомство их начало получать разные личные прозвища. Одни из этих прозвищ прошли бесследно, а другие, как прозвища Голица и Курака, обратились в родовые прозвания и ныне существующих княжеских фамилий Голицыных и Куракиных.

Чтобы дать некоторое понятие о том, какие загадочные фамильные прозвания могли возникнуть из личных прозвищ, встречаемых не только в так называемом простонародьи, но и в древних дворянских родословных, мы укажем на некоторые из них. Так, кроме прозвищ, заимствованных от каких-либо внешних признаков, как напри^м.: Кривой, Немой, Одноглаз, Хрипун, или каких-либо внутренних свойств, напри^м.: Глупый или Умный, встречаются в летописях и такие прозвания: «Умойся грязью», «Собачья рожа», Швих, Шист, Кудекуша, Сыдавный, Киберь, Ничика, Нешта, Сандырь, Силеха, Псище, Волкохищенная Собака, Ляпун, Дубовый Нос, Сви-

стун Неблагословенный, Еропка, Шква, Услон. Один из князей Ярославских носил прозвище Кнут. От него пошли князья Кнутовы, ныне уже не существующие. Позднее в Москве носил родовое прозвание тоже Кнутов один шведский выходец Кнутсон.

Непристойные родовые прозвания изменяли в отдельных случаях довольно просто.

В 1826 году, в Учреждении Генерального Штаба, между прочим, сказано было: «если кто из принятых рекрут будут иметь прозвища непристойныя, о тех писать в полках, как к жалованью, так и во всех списках и переключках отчеством», или по заведенному в Москве порядку только полуотчеством: как Федосеев, Карпов, Лукин и т. д., и некоторые из таких прозваний обратились в родовые. Звучащие ныне грубо для современно-образованного уха фамилии, а также относящиеся к каким-либо некрасивым внешним признакам или неприглядным внутренним качествам, считаются у нас обыкновенно простонародными — «мужицкими», но это не совсем верно. Действительно, среди простонародья такие родовые прозвания, как Синиб-

рюхов, Воробатов, Пьяницын, встречаются гораздо чаще, чем среди дворянства, но, тем не менее, не только простота, но и грубоватость фамилии вовсе не свидетельствуют еще о темноте и недавности ее происхождения. Если же теперь среди нашего дворянства не встречается слишком грубых и даже не совсем приличных фамильных прозваний, то это происходит оттого, что по мере развития в нем образования некоторые не совсем удобные фамилии мало-помалу заменялись другими.

Есть родовые прозвания, в которых коренное слово принимается не в том значении, в каком оно бывает здесь применено. Так, например, существует старинный дворянский род Свиных. Здесь неблагозвучное коренное слово употреблено не в общепринятом, но, так сказать, в военно-техническом смысле. Предок этого рода действительно назывался Свинья, но без всякого уподобления личности его к этому животному. В числе воевод великого князя московского Василия Темного был один, который при встрече с татарами построил свою рать в таком порядке, в каком

становятся свиньи, защищаясь от производимых на них в лесах нападений. Он одержал над татарами победу, и это доставило ему, в награду его военачальнической доблести, прозвание Свиньи. Такая награда в наше время, конечно, немыслима.

Надобно также заметить, что сама по себе громкая фамилия не всегда ручается за древность и знатность происхождения того, кто ее носит. Так, и среди купечества, и среди мещанства, и среди крестьянства встречаются такие именитые фамилии, как Салтыковы, Воронцовы, Бутурлины, Шереметевы и многие другие. Это преимущественно произошло оттого, что в прежнее время выходившие на волю крепостные люди принимали очень часто фамилию своих господ, особенно если эти фамилии были общеизвестны и громки.

В прежнее время наше простонародье, как мы уже сказали, не имело вообще родовых прозваний, и когда представлялась надобность для определения таким способом какой-либо личности из их среды, как, например, при записке в купечество, в мещанство или в ремесленное общество, то личность их

определялась только крестным именем и полуотчеством, обращавшимся обыкновенно в фамильное прозвание, если о таком не заявлял сам новик. Если же, несмотря на такое заявление, в гильдии или мещанском обществе было уже другое лицо с таким же именем и полуотчеством, то вступающий получал особое прозвание, так называемую «приватную» фамилию, под которою он и вел торг или справлял свое ремесло. При этом русские ремесленники принимали иногда иностранную фамилию, с тем, чтобы впоследствии, в качестве хозяина какой-нибудь мастерской, казаться по прозванию немцем или вообще иностранцем и в силу этого пользоваться большим вниманием и доверием со стороны заказчиков и покупателей, которые обыкновенно предпочитают немецкую работу русской и русским товарам иностранные.

Несколько лет тому назад в Петербургском окружном суде разбиралось подобное дело, а именно: о присвоении каким-то крестьянином Ярославской губернии фамилии Викторсон. На суде коренник-ярославец заявил, что он принял эту фамилию с тем, чтобы, торгуя

папиросами, казаться иностранцем. Подобного рода присвоение русскими людьми чужеземных фамилий весьма близко подходит к означению на прежних вывесках мнимого чужеземства, как, например: «портной мастер Дубиносос из Парижа».

Вообще по фамильным прозваниям отличить национальность бывает трудно. Например, в старинных наших актах встречаются часто русские прозвища людей, которые по происхождению не были вовсе русскими. Так, при патриархе Никоне в числе его «домовых» людей был выкрещенный еврей, называвшийся Афонасьев. В XVII веке в Москве были: голландец Лунев, англичане: Юрьев и Иванов, и немец Игнатьев. В одном из договоров нашего правительства с калмыцкою княгиней Тайшиною, заключенном в 1737 году, встречаются такие прозвания калмыцких «зайсангов»: Батуменко, Дешизасон, Амур Добрицын, Тюрят, Чидор. Такие прозвания с постановкою на некоторых из них соответствующего ударения могут быть применены и к малороссу, и к французу, и к великороссу, и к англичанину, и к венгерцу.

ХІ

Вопрос о фамильных прозваниях в России, рассматриваемый с исторической точки зрения, должен главным образом, по самому его ходу, применяться преимущественно к дворянской среде не только потому, что относительно ее имеется более сведений, но и потому еще, что способ установления в ней родовых прозваний отразился и на прочих сословиях, так как первообразом в этом случае служило дворянство или, говоря иначе, преимущественное сословие.

Древнее наше дворянство составилось большею частью из иностранных выходцев. Явление это до того было обыкновенно, что при составлении, в царствование Екатерины II, общей формы для родословной росписи по шестой части дворянской родословной книги, — части, предоставленной древнему русскому дворянству, признано было наиболее удобным начать эту форму с такой рубрики: «выехал в Россию оттуда-то при великом князе таком-то». Такое означение применялось

к родоначальнику каждой древней русской дворянской фамилии, и действительно, бо́льшая часть нашего «коренного» дворянства — не местного, а иноземного происхождения, преимущественно татарского, почему многие фамилии, хотя по окончанию и чисто русские, но, тем не менее, носят на себе татарскую тамгу в коренном слове.

Выше было уже сказано, что в одной из моих статей, под заглавием: Слияние русских с иноземцами, я указывал, как на замечательную особенность, на чужестранное происхождение наших отечественных знаменитостей, хотя и с чисто русскими фамильными прозваниями, но ведущих свое начало по мужскому колену от иноплеменных родоначальников. Поэтому теперь будут следовать только новые, не сделанные прежде указания.

В некоторых, по-видимому, чисто русских фамилиях сохранились следы чуждого происхождения. Так, например, фамилия Муханов есть ничто иное, как только татарское имя и татарский титул, слитые вместе — «Му-хан», с прибавкою окончания «ов». То же следует сказать и о фамилии Бибигов: в ней слог

«Би» — собственное имя, а «бик» — то же, что «бек», т. е. мурза, тоже с прибавкою «ов», вместо «ович». Другие иноземные фамилии переделались на русский лад до неузнаваемости. Венгерская фамилия Батугерд обратилась в фамилию Батурин. С другой, тоже венгерской, фамилией произошло еще более замечательное превращение. Родоначальник ее Калаш в России обратился в Калашева, а потом в Калачева и даже в Колачева, так что, по-видимому, в ее чисто русском происхождении не представляется никакого сомнения. С невестою великого князя Ивана III Васильевича Софиею Фоминишною Палеолог приехали в Москву из Рима немало италианцев и греков. Один из них, уроженец Флоренции, назывался Ciceri, по итальянскому произношению Чичери, — а в Москве окончание его фамилии несколько изменилось прибавкою букв «нъ» и вышел Чичерин. Другой из спутников царицы грек или, вернее, тоже италианец, прозывавшийся Кашкини — вероятно Кассини, был записан в Москве под прозванием Кашкина. Потомство их обоих доныне существует среди древнего и известного русского дворян-

ства: одного — под фамилиею Чичерины, а другого-Кашкины.

В половине XVII столетия приехал в Москву и остался там на постоянное житье английский врач Фома. Он имел сына, называвшегося полуотчеством «Фомин сын», но оба эти слова потом слились, и из них составилось родовое прозвание Фоминсын или, по более удобному для русских произношению, Фаминцын. Около того же времени жил в Москве другой англичанин, по фамилии Burness, т. е. Бернс, которая писалась по-русски Бурнес; сын его назывался уже Бурнесов или Бурнашов, по-видимому, вполне русскою фамилиею и даже с некоторым татарским оттенком. Еще большему обрусению подверглись на Руси известная английская фамилия Гамильтон и немецкая фамилия Левенштейн, представители которой называются ныне Левшины.

В первых поколениях они удерживали свое немецкое, несколько сокращенное прозвание Левштейн или Левштин, а потом из этой переиначки присвоили себе как будто уже чисто русское прозвище от слова «лев-

ша». Что же касается фамилии Гамильтонов, то сперва она писалась Гамантов, потом Гама- тов и, наконец, обратилась уже в донельзя русскую — Хомутов. Подверглись в России пе- ределкам и другие иностранные фамилии: французские и итальянские. Так, потомки вы- ехавшего в Россию из Франции какого-то пушкаря de Richmond обратились в прежних отписях в Деримонтовых, а потом еще про- ще — в Дермидонтовых. Потомки итальянско- го инженера Градинеско-Марини, устроивше- го при взятии Казани царем Иваном IV под- коп, решивший судьбу этого города, имеют ныне чисто русское прозвище — Мáрины. Пе- ределана была в Москве и фамилия маркгра- фов Мейссеснских. В прежнее время Мейссен назывался Мисниєю, а приехавший, в 1425 го- ду, один из маркграфов Мисницких обратил- ся в Мышиицкого, а потом в Мышецкого, при- чем титул маркграфа был заменен титулом князя. Замечательно, что потомок, в восьмом колене, этого немецкого маркграфа — князь Андрей Мышецкой — знаменитый старец До- сифей — был одним из самых ярых поборни- ков русского церковного раскола. Отрасль им-

ператорско-византийской фамилии Комиенов обратилась у нас в исходе XV столетия в Комриных или Ховриных, а затем, — по прозвищу одного из предков уже в России «Голова» — существует ныне под прозванием Головиных. Представители другой, тоже императорско-византийской фамилии, Ласкарисы, обратились в Ласкиревых. Молдавская фамилия Хераско сделалась русской посредством прибавки к ней окончания «ов». Переиначке в русское ныне родовое прозвание подверглось и грузинское слово «Лашкаръ», т. е. волк, обратившись в фамилию Лашкарев.

Одна из знаменитейших средневековых итальянских фамилий, по преданиям, а потом и по рукописным источникам дала свое название одному из примосковских городов. Сохранилось известие, что один из представителей родов Колонна, из которых были и папы и кардиналы, переселился в XIV или XV веке в Москву, и так как по-латыни Colonne — столб — называется Columna, то он основанный им близ Москвы поселок назвал этим латинским именем, которое и обратилось в название Коломна, а от названия этого города

произошло, в смысле уроженца Коломны, ныне совершенно уже русское родовое прозвание Коломнин.

В иных случаях потомки одного и того же иноземного выходца существуют в России под разными совершенно русскими фамилиями. Так, потомки немца Дола носят ныне следующие родовые прозвания: Свечиные, Яхонтовы и Левашовы. Потомки выехавшего в 1425 г. в Москву литовца Лаховича разделились на две отрасли, из которых одна носит прозвание Лихачевы, а другая — Краевские. Потомки пленного немецкого барона фон-Иксюля именуются Соковниными, потомки другого немца — Пупковыми, а третьего — Протопоповыми. Встречаются и более простые переиначки немецких обрусевших фамилий. Так, фон-Менгден в XVII веке писались Фомедин, фон-Берланд — Фонбереланов, фон-Визен — Фонвисин. Подвергались часто изменению и коренные русские фамилии. Так, фамилия Мироновых обратилась в Нероновых.

Добавим к этому, что у нас под видом великорусских фамилий, как по их окончани-

ям, так в иных случаях и по созвучию, существует более 50 мордовских фамилий с княжеским титулом. К таким фамилиям принадлежат, между прочим, Фамилии: Енгальчевы, Бедашевы, Еникеевы, Акчурины, Аганины, Булушевы, Утешевы, Кудашевы, Деевы и другие. Что же касается их княжеского титула, то он явился потому, что с XVI века государи московские, побуждаемые ревностью к обращению магометан в православие, приказывали принявших крещение татарских мурз и мордовских «панков» именовать князьями. Особенно это было в большом употреблении при царе Алексее Михайловиче. В прежнее время таких прибавок не было, и, например, потомки татарского царевича Бахмета стали писаться просто Бахметевы, а потомки татарского мурзы Тюфменя — Тихменевы,

О переименовке русских фамильных прозваний иностранцами излишне было бы вообще говорить, но встречаются некоторые особенности, имеющие историческое значение. Так, во времена Ивана Грозного в числе русских отъезжиков из Москвы были Барановы, татарского происхождения, предки нынешних

русских графов Барановых. Один из них удалился в Эстляндию, где потомки его, сделавшись немцами и лютеранами, удержали свое прежнее родовое прозвание, с прибавкою к нему немецко-дворянской частицы «фон». Туда же отъехал один из представителей известного в ту пору боярского, но не княжеского рода Вельский. Потомство этого отъезжика существовало там еще в сороковых годах нынешнего столетия, а, может быть, существует и доньше, под именем баронов Бильских. Потомки отъехавшего в Польшу, но время междоусобия, боярина Салтыкова отбросили там окончание «ов» и пишутся ныне Солтык. Около той же поры немало (шло русских отъезжиков и в Швецию. Там одни из них, Высоцкой или, правильнее, Высотской, присоединил к своей прежней русской фамилии немецкую фамилию Гохмут, которую и поставил перед русскою. Другой отъезжник, Бутурлин, стал писаться Butterlin, а из прочих отъезжиков Аминовы, Калягины и Пересветовы, — последние, по преданию, потомки известного витязя-инока Пересвета, — будучи причислены к шведскому дворянству, сохра-

нили свои русские фамильные прозвания. Один из русских выходцев в Польшу носил личное прозвище «Враг»; потомки его стали носить там фамилию Вражских или Врасских. Надобно, впрочем, заметить, что один из Врасских, которым силезские геральдики придают русско-княжеское происхождение, возвратился в свое древнее отчество, не позже половины XV столетия. Недавно фамилия Врасских передана была представителям старинного русского рода Галкиных. Во время стрелецких бунтов один из князей Черкасских ушел из Москвы в Угорскую Русь, где потомки его, существующие доньне, носят фамилию Духковичи, а один из них пользуется известностью, как руссинский писатель. Один из русских отъезжиков в Польшу Юрлов получил в 1525 году от Сигизмунда II фамилию Плещевич, а другой, но прозванию Веревкин, к своей русской фамилии присоединил прозвание Шелита, от имени поместья, пожалованного ему королем Сигизмундом III. Когда один из потомков известного князя Андрея Курбского, отъехавшего в Литву при Иване Грозном, возвратился на родину, то на-

стоящее его родовое прозвание, заимствованное от находящегося в Ярославле губернии села Курби, неизвестно почему обратилось в прозвание Крупский. Этот князь, считающийся по разрядным книгам и другим приказным бумагам последним в своем роде, известен тем, что был бит кнутом за то, что убил жену. После того нигде не встречается прозваний ни князей Курбских, ни князей Крупских, но в начале сороковых годов к профессору или академику Устрялову явился какой-то молодой человек, выдававший себя, по имевшимся у него бумагам, за князя Курбского или Крупского, потомка упомянутого князя Андрея. В северо-западном крае доньше существует княжеская фамилия Крупских, но насколько мне известно — она не имеет никакого отношения к князьям Курбским и к тому князю, который возвратился в Россию под прозванием Крупский.

XII

Употребление в России двойных фамилий во второй половине XVI столетия становилось

все реже и реже, так как постепенно устранялась вызывавшая их прежде причина, т. е. неокончательное установление родовых прозваний, когда каждое семейство выделялось обыкновенно особняком из общего рода и усвоивало себе отдельное прозвание или по какой-либо кличке, или по отчеству, сохраняя, однако, иногда для поддержания связи со своими однородцами и общее родовое прозвание. Очень часто такое прозвание заменялось каким-нибудь искаженным именем, несмотря на то, что употреблявший его имел уже прозвание. Так, в конце XV века один из Челядиных постоянно писался «Яковля». Иногда для определения происхождения делались особые пояснения, например: «Ляцкой из рода Кошкиных». Чтобы познакомить наших читателей с разветвлениями по особым фамильным прозваниям одного и того же рода, мы приведем здесь следующий пример.

По московским родословным книгам, выехавший в начале XIII века в Новгород некто Михайло имел прозвание Прушанин или Прушанич, что, конечно, указывает на его происхождение из Пруссии или же из так на-

зывавшегося в то время в Великом Новгороде «прусского конца». Его единственные сын, внук и правнук означены в родословных без всякого прозвания, которое, по всей вероятности, оставалось то же самое, какое носил Михайло. Когда же у него оказалось двое, хотя и разноименных сыновей, то каждый из них получил особое прозвание: старший сын назывался Мороз, а младший — Туша. От Мороза уже в Москве пошли Морозовы, из которых один, по имени Борис, имел сына Василия, по прозвищу Тучко, а другого — по прозвищу Брюхо. Сыновья этих Морозовых стали писаться различно: одни Тучко-Морозовыми, а другие — Брюхо-Морозовыми. Но впоследствии Тучко-Морозовы откинули свое прежнее родовое прозвание и стали писаться только Тучковыми. Одновременно с этим и в потомстве Туши стали изменяться родовые прозвища. Одни из представителей этого потомства, оставив фамилию Морозовых, стали писаться по последующим прозваниям членов рода Морозовых: — Шестовыми, а другие Шестовыми-Русалкиными. Дальнейшие потомки упомянутого Мороза или удержива-

ли одну только эту общую фамилию, или же по прозвищам ее членов принимали иные дополнительные прозвания, как, например, Салтык от Салтыковых, а затем в дальнейшем потомстве Салтыка-Морозова удержалось только одно новое родовое прозвание.

Древний боярский род Романовых также менял свои фамильные прозвания, и еще дед патриарха Филарета именовался Захарьиным-Юрьевым, по именам своего отца Юрия и своего деда Захария.

Кроме изменений родовых прозваний по отчествам или по личным прозваниям того или другого члена одного и того же рода, встречается еще и особый случай перемены такого прозвания. Так, фамилия одного литовца, участвовавшего в Куликовской битве, Нелидовского, обрусела в московской форме, обратившись в Нелидова, затем потомки этого Нелидова стали прозываться Фарисеевыми, а в следующих поколениях — Отрепьевыми. Когда же утвердилась молва, что нареченный царь Дмитрий Иванович — по своему полуимени Гришка — был из рода Отрепьевых, и когда его стали предавать в праздник пра-

вославия анафеме, с упоминанием и его родового прозвания, то однофамильцам его царь Алексей Михайлович позволил именоваться их старинною фамилиею — Нелидовыми.

Вообще же можно сказать, что фамильные прозвания даже в самых знаменитых московских боярских родах установились окончательно только во второй половине XV столетия, и тогда исчезли почти все двойные фамилии. Так, из внесенных в «Бархатную книгу» и существующих доныне дворянских родов — общим числом до семидесяти — двойные фамилии удержали только Бобрищевы-Пушкины, Вельяминовы-Зерновы, Воронцовы-Вельяминовы, Голенищевы-Кутузовы, Квашнины-Самарины, Мусины-Пушкины и Сухово-Кобылины. Двойных древних, хотя и не внесенных в «Бархатную книгу», фамилий тоже очень немного. Вот их очень недлинный перечень: Долгово-Сабуровы, Иванчины-Писаревы, Кузьмины-Короваевы, Петрово-Соловово, Римские-Корсаковы и Скорняково-Писаревы. Представителям двух других, тоже древних дворянских родов, — Неледенских и Бестужевых дозволено было прибавить: пер-

вым, в 1699 году, фамилию Мелецкий, которую предки их носили некогда в Польше, а вторым, в 1701 году, по прозвищу одного из их предков Рюма, — Рюмиными, в отличие, от прочих их единокровцев.

Двойные фамильные прозвания в старинной Руси не составлялись в особенности потому, что у нас не было заведено передачи их по женскому колену. Этим объясняется бесследное исчезновение многих знаменитых родов, как, например, рода князей Пожарских, хотя потомство их при существующем ныне у нас способе передачи угасших в мужском колене фамилий могло бы продолжаться в роде князей Черкасских.

В этом случае видна большая разница во взгляде на высшее сословие, установившемся, с одной стороны, на феодальном Западе, а с другой — у нас, в служилой России.

В самом исходе XVII века в Москве стали появляться челобитные о присвоении дополнительных родовых прозвищ.

В 1697 году было подано царям и великим князья Ивану и Петру Алексеевичам и великой княжне, благоверной царевне Софии

Алексеевне, самодержцам, следующее прошение:

«Бьют челом холопи ваши: Васька, Ильюшка и Афонька Дмитриевы. Прозвищем нашим, холопей ваших, Дмитриевых, пишутся многие разных чинов малородные, а по вашей государской милости сродника нашего в родословной книге написан род Григория Андреевича Мамонова и Данилы Иванова Дмитриева».

Ввиду этого челобитчики, взывая к милосердию царей и царевны, пишут: «пожалуйте нас, холопей своих, для отличим от иных прозванием Дмитриевых, велите, Государи, к прощанию наших Дмитриевых прибавить старое наше прозвание по родословцу Мамоновых, чтоб нам, холопом вашим, от других Дмитриев бесчестными не быть». По этой просьбе сентября 21 дня 1697 года сделана дьяком пометка: «Государи пожаловали, велели их написать в разряд и им самим во всяких письмах писаться Мамоновыми-Дмитриевыми».

В том же году, по указу великих Государей, дозволено было постельничего Кирьяна Ивановича Самарина и сродников, для различия

их, Самариных, от иных Самариных, в боярских списках и во всех письмах писаться и называться Самариными-Квашниными. Но затем потребовали как от Мамоновых-Дмитриевых, так и Самариных-Квашниных, чтобы они писали свои прозвания в обратном порядке, на том основании, что не Мамоновы идут от Дмитриевых, а Дмитриевы от Мамоновых, и Самарины идут от Квашниных, а не Квашнины от Самариных. Квашнины стали, однако, оспаривать такое происхождение Самариных и просили не верить росписи этих последних, но дать им с Самариными очную ставку. Самарины, однако, выиграли дело, так как представители других отраслей рода Квашниных, Тушины и Разладины, подтвердили принадлежность Самариных к этому роду.

Такие же прошения о двойных прозваниях поступили от холопей Левко и Ивашки Миროновых-Вельяминовых о дозволении писаться им Зерновыми-Вельяминовыми, и от Вердеревских, бивших челом о дозволении им писаться Вердеревскими-Опраксиными, потому что «деды и прадеды их теми двумя прозва-

ниями писались». Так как показание это подтвердилось справками в Разряде, то и челобитье Вердеревских было удовлетворено. Но так как вскоре после того возникли «сомнительства», собственно насчет рода Опраксиных или Апраксиных, то, вероятно, вследствие этого Вердеревские перестали писаться своим двойным прозванием.

Порядок усвоения у нас двойных прозваний объяснен был так:

«А в боярских книгах и некаких (некоторых) иных таких родословных родов двумя прозваниями написаны многие, и написаны такие роды преж своим прозванием, которыми сами повелись слыть, а после того другим прозванием, от которых родов роды их повелись».

XIII

Хотя у нас и не существовало никогда имевшего незыблемую силу так называемого «салического» закона, по которому женщины и их потомство безусловно отстранялись от престолонаследия, но такой устав действовал

на Руси сам по себе. У нас не было феодального дворянства, а было только служилое сословие; служить же мог только мужчина, потому и представителем служилого рода могло быть лицо только мужского, а не женского рода. Такое же понятие распространилось и на понятие о княжеской власти, которая не могла передаваться по женскому колену. Так, ни одно из русских княжений не перешло во владение к кому-либо по женскому колену, тогда как в некоторых западных государствах, где не было салического закона, и герцогства, и княжения, и даже королевства переходили по этому колену.

Что же касается дворянства на Западе, то там «фьефы» могли доставаться в наследство таким же путем, с их названием, причем название «фьефа» обращалось в фамилию нового владельца фьефа, хотя бы он и наследовал его по матери, бабке, прабабке и т. д. Хотя с 1399 года короли французские, а несколько позднее и другие западноевропейские государи начали жаловать дворянское достоинство, а потом и почетные титулы без соответствующих этому достоинству и почетным титулам

поместий, но давнишний взгляд на Западе на дворянство, установившийся в том смысле, что каждый дворянин есть, вместе с тем, и поземельный владелец, держался еще очень долго. Вследствие этого во Франции и в Германии к новым дворянским фамилиям постоянно прибавлялись частички: в первой «de», а во второй «von», долженствовавшие указывать, что лицо, употреблявшее ее, есть владелец какой-либо дворянской собственности. Разумеется, что это вело к разным смешным сочетаниям: так, какой-нибудь Шапо, получивший дворянство, делался де-Шапо, т. е. оказывался владельцем шляпы, или, смотря по его родовому прозвищу, владельцем какого-нибудь другого обиходного предмета или качества телесного или душевного.

В России был однажды подобный случай. За усердие на пользу австрийской армии в 1813 году один русский купец Филимонов получил от австрийского императора дворянское достоинство и стал писаться и именоваться совершенно законно фон-Филимоновым, но, вместе с тем, оказывалось, что он владел самим собою. У нас существует обы-

чай на визитных карточках, заготавливаемых очень часто на французском языке, прибавлять к русской фамилии частичку «de», но собственно такая прибавка не имеет для русских решительно никакого смысла и может иметь разве значение за границей, как указание на звание вояжирующей особы. Вместе с тем, при таком способе облагороживания может происходить и переименование фамилий; так, например, Иванов обратился в Ливанова и т. д.

В противоположность тому, что мы сказали о передаче фамилий на Западе, у нас выдвинуто было совершенно иное начало по земельному владению, а именно, что «сестра и дочь не вотчичи», а так как вотчинным правом определялись у нас продолжение и связь рода, то и передача родового прозвания, выражавшая такое продолжение и такую связь, казалась неуместной, так как, с пресечением мужского колена, пресекалось вотчинное право, а, вместе с тем, пресекался род. Законодательство московской поры допустило, однако, в особом указе царя Михаила Федоровича, а потом и в «Уложении», переход

вотчин по женскому колену, но передача фамильных прозваний по этому колену даже в исходе XVI столетия у нас еще не установилась. Только Петр I завел такую новизну, дозволит в первый раз князю Друцкому-Соколинскому принять фамилию его тестя Ромейко-Гурко. Издание Петром закона о праве наследования недвижимого родового имущества одним только из сыновей владельца могло бы повести в некоторых случаях и к наследственной, вместе с заповедным имением, передаче родовых прозваний, но закон этот существовал столь непродолжительное время, что действие его в подобных случаях осталось без всяких последствий.

В настоящее время относительно усыновления с передачею родового прозвания существуют такие правила: дворянам, не имеющим ни потомков, ни сродников мужского пола той же с фамилии, дозволяется, для возобновления оной, усыновлять своих законорожденных родственников для передачи им при жизни своей фамилии и герба или присвокуплением оных к их фамилии и гербу. Такое усыновление производится не иначе, как

с Высочайшего разрешения. Усыновлять же предоставляется не только одного, но и нескольких с присовокуплением им всем фамилии усыновляющего. Кроме того, дозволяется беспотомственным дворянам передавать с Высочайшего разрешения фамилию мужу одной из родственниц их фамилий.

XIV

У нас в России — как это, впрочем, водится и в других странах — названия городов и поселков имеют весьма часто связь с родовыми прозваниями. Хотя в настоящее время в России очень мало городов, которые заимствовали бы свое имя от чьего-либо родового прозвища, но зато найдется немало сельских поселений, получивших свои имена от родовых прозваний их основателей или владельцев, причем имена эти даются обыкновенно с окончаниями на «во» или «по», или в особливо-уменьшительном виде с окончанием на «ка». Особенно часто встречается это в Малороссии, где так называемые слободки получили свои имена от родового прозвища тех, кто

«осадил» их, например Кочубеевка, Гамалеевка и т. д.

В городах улицы, переулки, площади, сады, бульвары, скверы, рынки и разные урочища носят иногда названия от родовых прозвищ тех лиц, в честь которых они были даны, или которые имели какое-либо к ним отношение. Мы уже упомянули о происхождении названия Гороховой улицы в Петербурге, а теперь укажем на другую местность в этом же городе, носящую название, полученное от искаженного на русский лад иностранного прозвища. В черте Петербурга находится остров Голодай, и такое название очень кстати подходит к этой пустынной и печальной местности. Между тем он получил свое название от фамилии одного английского негоцианта Голлидея, имевшего когда-то на этом острове какую-то фабрику или завод. Так как английское слово Hollyday означает воскресенье или праздник, то было бы более правильным русское название Воскресенский или Праздничный.

Немало родовых прозваний присоединено было у нас к учебным и благотворительным

заведениям, как-то лица: Ришельевский, князя Безбородки, Демидова, рисовальная школа графа Строгонова и такая же школа барона Штиглица и т. д.

Из благотворительных учреждений у нас имеются: Голицынская больница, Странноприимные дома графа Шереметева в Москве и Таранова-Белозерова в Одессе, Хлюстинские богоугодные заведения в Калуге и т. д.

В среде научных учреждений у нас существуют: Румянцевский музей, залы: Ларинская и барона Корфа в публичной библиотеке; премии Демидова, графа Уварова, Жуковского и Пушкина, В минералогии и ботанике некоторые минералы и растения названы родовыми русскими прозвищами в честь Разумовского и Уварова. Есть и медицинские снадобья с такими же прозвищами, например, Бестужевские капли и глазная примочка Буяльского. Был Жуков табак, а ныне существуют Ланинские шипучие воды.

Некоторые исторические промежутки времени отмечены у нас именами главных деятелей той или другой поры, но употребленные в этих случаях родовые прозвища, как

нарочно, возбуждают прискорбные воспоминания, как-то: Бироновщина, Пугачевщина и Аракчеевщина.

В русских народных поговорках или пословицах родовые прозвища вовсе не встречаются, за исключением разве смолкающей ныне поговорки: «на шереметьевский счет». В заключение следует сказать об употреблении вымышляемых у нас родовых прозваний, встречающихся в романах, повестях, рассказах, драмах и комедиях. Они до некоторой степени дают понятие если не о направлении, то о настроении русской изящной словесности. Когда словесность наша считала себя главным образом наставницею общественной нравственности и обличительницею личных и общественных пороков, то на страницах литературных произведений являлись родовые прозвища, в виде ярлыков, определявших характер личностей. Так явились Честоны, Здравосуды, Правдины, Скотинины и т. д. Даже Грибоедов в «Горе от ума» придал действующим в ней лицам прозвания, намекающие на их свойства: Молчалин, Скалозуб, Фамусов (famosus), Тугоуховский и другие.

Когда впоследствии русские романы, повести и драмы приняли великосветский оттенок — хотя большею частию и поддельный, — то действующим в них лицам, предназначенным быть героями и героинями, стали придавать самые звучные родовые прозвания с титулами князей и графинь.

Пушкин отличался простотою в подборе даваемых им родовых прозвищ и главный герой его прозывался Онегин. Лермонтов в этом отношении следовал примеру Пушкина и прозвал своего героя Печориным, так что в обоих этих случаях прозвания были заимствованы от названия рек. Чрезвычайно удачными отчасти по звукам, а отчасти по корням слов были прозвания, даваемые Гоголем, как, например, Чичиков, Манилов, Хлестаков, Собакевич, Ноздрев, Плюшкин, не говоря уже о таких прямо смешных прозваниях, как, например, Держиморда.

Когда впоследствии литература наша стала освобождаться от прежних великосветских замашек, родовые прозвания начали в ней все более упрощаться, и в ней стали появляться, даже при романической своего рода

закваске, но в сущности при реальной обстановке, Ремнищевы, Кнутищевы и тому подобные, что, конечно, гораздо более соответствовало действительности русской жизни, чем благозвучные родовые прозвища великосветских героев и героинь.

XV

В былое время в той части русских, где иностранные слова были не в употреблении, латинскому слову «familia» не придавали еще значения родового прозвания, но только значение «семейства». По поводу этого ходил когда-то такой анекдот, а может это случилось и в действительности. Рассказывали, что когда император Николай Павлович приехал в какой-то губернский город и ему представлялись тамошние почетные купцы, то он к одному из них обратился с отрывистым вопросом: «твоя фамилия?» — «Дома осталась, ваше императорское величество», отвечал ошарашенный таким вопросом купец, полагая, что государю угодно было спросить об его семействе.

В законодательном же смысле слово «фамилия» было у нас объяснено таким образом по следующему случаю.

В 1818 году представлено было на засвидетельствование духовное завещание действительного тайного советника Г. Р. Державина; по завещанию этому он отдал, между прочим, родовое свое имение племяннику своему Миллеру. Сенат, рассматривавший дело, возникшее по поводу этого завещания, признал распоряжение бывшего министра юстиции противным указу 23-го марта 1714 года, находя, что упомянутый указ дозволяет бездетному владельцу отдавать свое родовое имение одной только «фамилии» своей, кому захочет, а между тем Миллер с «фамилии» Державина не принадлежит.

За разногласием в Сенате дело это перешло в Государственный Совет, который нашел, что под словом «фамилия» нельзя понимать иначе, как «семья», «род» (*familia*), а не прозвище (*nomen*). При этом Государственный Совет, ссылаясь на то, что по закону 1714 года бездетный волен отдать свое имущество, за неимением мужской линии, одной из сво-

их родственниц, которые могут быть совсем другого прозвания, ибо дозволяет отдавать имения девицам, следовательно племянницам от замужней сестры и даже вдовам, которые, по силе того же указа, могут сохранить имение при себе, если женихи их не захотят принять прозвание или имя завещателя, которое ныне, по неправильному употреблению иностранного речения, понимается иными под словом «фамилия», «Миллер, — говорит в заключение Государственный Совет, — должен быть признан принадлежащим к роду Державина, хотя и не носит его фамилии и принять ее не обязан».

Рассматривая вообще законы, существующие у нас относительно родовых прозваний, заметим, что сверх узаконения, входящего в «Уложение о наказаниях», относительно присвоения кем-либо не принадлежащей ему фамилии и закона об усыновлении с передачею фамилии усыновляемому, у нас касательно родовых прозваний не существует ни общих, ни частных узаконений даже в отношении дворянства. Исключение в этом случае составляют только одни евреи, которым — и то

лишь с недавнего времени — воспрещено переменять те фамильные прозвища, которые они носили до обращения в христианство. Существуют также некоторые правила о переходе, так называемых, заповедных имений вместе с фамилиями их учредителей, если лица, получающие эти имения, не однофамильцы учредителей. При отсутствии насчет фамилий каких-либо положительных узаконений, каждое дело об изменении их, о передаче их другим лицам или о присоединении к прежней фамилии новой восходит на Высочайшее усмотрение, и из некоторых подобного рода случаев видно, что такой порядок соблюдается не только в отношении лиц из так называемых привилегированных, но и других сословий. В дополнение к этому скажем, что в 1675 году издан был такой царский указ: «кто в своем челобитье напишет в чьем либо имени или прозвище, не зная правописания, вместо «о», «а или вместо «а», «о», или вместо «ъ», «ь», или вместо — «и», «і» или иныя в письмах наречия, по природе тех народов, в которых кто родился, того в безчестье не ставить и судов в том не давать и не розыскивать».

После Петра I до императора Павла не было у нас ни одного случая передачи родового по женскому колену отозвания. Император Павел приказал начать составление Общего гербовника дворянских родов Всероссийской империи. Он жаловал почетные титулы, начиная от барона и до светлейшего князя, и повелел одному из своих любимцев, генералу Ладыженскому, как потомку по женскому колену князей Ромодановских, принять потомственно эту знаменитую фамилию не только с княжеским титулом и с родовым гербом, но и с предоставленным князю-кесарю-Ромодановскому правом употреблять придворную ливрею. Таким образом, здесь на европейский совершенно лад появилась «субституция» или подставка одной угасшей фамилии другою, представители которой происходят от первой по женскому колену.

С этого времени в каждое царствование случалась более или менее частая передача пресекавшихся в мужских представителях титулованных и вообще дворянских фамилий. Так, одному из Глебовых передана была знаменитая некогда, родственная царскому

дому, — боярская фамилия Стрешневых, которая потом, по браку одной из Глебовых-Стрешневых, должна была бы перейти к немецкой дворянской фамилии фон-Бреверн, но так как дочь Бреверна от упомянутого брака вышла замуж за князя Шаховского, то к нему и перешла фамилия Глебовых-Стрешневых. Два раза в один и тот же род дворян Корсаковых была передаваема фамилия князей или собственно калмыцких ханов Дондуковых. Фамилия графов Остерманов с графским титулом перешла сперва к одному из дворян Толстых, а потом к одному из князей Голицыных. К одному из князей же Голицыных перешла фамилия князей Прозоровских, а к одному из Демидовых, фамилия князей Лопухиных с пожалованным П. В. Лопухину титулом светлости. Были еще и следующие передачи фамилий: князю Оболенскому фамилии Нелединских-Мелецких; Глинке — Мавриных; Шубину — Поздеевых; князей Дашковых, без княжеского титула, графу Воронцову; Толстому, внуку фельдмаршала князя Голенищева-Кутузова-Смоленского, была передана, с отступлением от общего правила, только родо-

вая фамилия фельдмаршала, без пожалованных ему титулов князя и светлости и наименования «Смоленский». Такая ограниченная передача объясняется тем, что сам Голенищев-Кутузов был пожалован этими почетными титулами только лично, без распространения их на потомство. Фамилия князя Барклая-де-Толли перешла к одному из Веймарнов, а другому представителю этой последней фамилии перешли фамилия и титул графа Лидерса. Фамилия и титул графа Сумарокова перешли к Эльстону, графа Коцебу — к барону Пиллар-фон-Пильхау, князя же Воронцова — к одному из графов Шуваловых. Фамилия князей Репниных была передана одному из князей Волконских; фамилия и титул графа Сперанского — князю Кантакузену, а графа Безбородко — графу Кушелеву. К одному из сыновей донского генерала Орлова перешли сперва фамилия и графский титул, пожалованный Павлом I донскому атаману Денисову, а потом к одному из его внуков перешли фамилия и титул графа Никитина; к одному из Давыдовых перешла фамилия графов Орловых.

В прежнее время передача угасшей фамилии и соединенного с нею титула распространялась на все мужское и женское потомство лица, получавшего их, но теперь такая передача ограничивается предоставлением права носить переданные фамилии и титул только одному старшему в роде. Так было установлено при передаче разных фамилий, а, между прочим, при передаче Маслову фамилии князей Одоевских, но зато был допущен более широкий способ такой передачи. Так, пожалованный известному некогда кавказскому генералу Евдокимову графский титул, вместе с его фамилией, был передан мужу племянницы его жены, некоему Доливо-Добровольскому.

Кроме передачи фамилий по женскому колену и даже, как мы видели, по свойству, допускается у нас и передача титула племянникам по мужскому колену; так, например, графские титулы Бенкендорфа, Ридигера и Киселева предоставлены были, по их бездетности, их родным племянникам — однофамильцам, а графский титул, пожалованный известному генералу Милорадовичу, был пе-

редан одному из его родственников и однофамильцев.

XVI

В других славянских странах не существовало обычаи, и доньше не существует ея, передавать родовые прозвания по женскому колону. В Польше до такой степени уклонялись от подобной передачи, что даже самые именитейшие и богатеишие магнаты никогда не решались продолжать свой род таким способом. Нынешние поляки, находящиеся в подданстве России, Австрии и Пруссии, — насколько нам известно, — не изменили этому стародавнему обычаю. В этом отношении они твердо держатся старины, так как даже учредители «ординаций», т. е. нераздельных громадных имений с условием перехода их к старшему в роде, ограничивали этот переход лишь мужским поколением. Учреждение в Польше ординаций восходит к концу XV столетия, но затем в продолжение более ста лет переходимости ординаций по женскому колону не установлялось. При учреждении всех

ординаций, а, между прочим, и двух самых главных радзивилловских ординаций — одной олыкской, соединенной с герцогским титулом, а другой несвижской — было оговариваемо, что обе эти ординации по женскому колену не переходят. Только в 1591 году, при учреждении так называемой «пинчовской» ординации Петром и Сигизмундом Мышковскими, было постановлено, что ординация эта переходит и по женскому колену, причем то лицо, к которому она перейдет таким путем, обязано будет присоединить к своей родовой фамилии и фамилию Мышковских. Такое распоряжение учредителей названной ординации было нарушением польских обычаев, и оно объясняется тем, что Мышковские, нося полученный ими изчужа, не употреблявшийся вовсе в Польше титул маркграфов или маркизов, отделились уже тем самым от преданий польской шляхты и следовали иноземным уставам. Впоследствии пинчовская ординация перешла по женскому колену к Велепольским, предки которых были краковские райцы или мещане немецкого происхождения и назывались Бокнары. Те-

перь же старший в роде Велепольских, владелец ординации, именуется: маркиз Релепольский, маркиз Гонзаго-Мышковский.

Хотя в 1609 году, при учреждении знаменитой острожской ординации, сблизившей впоследствии Россию с мальтийским рыцарским орденом, и допущен был переход этой ординации к потомкам ее основателя, князя Януша Острожского, и по женскому колену, но, все-таки, пресекшейся фамилии князей Острожских, несмотря на всю ее известность, не носили последующие владельцы ординации — князя Сангушки.

Обыкновенно в тех случаях, когда предстояло пресечение какой-нибудь шляхетской или магнатской фамилии в нисходящем, прямом мужском поколении, крайне опечаленный этим представитель угасавшего рода разыскивал всюду своих однофамильцев, и как бы такая обретенная им личность ни была бедна и ничтожна, и как бы ни был он плоховат сам по себе, — самый знатный магнат охотно выдавал за него свою дочь, чтобы в лице этого родича продолжать свое фамильное прозвание. Рассказы о подобных браках

часто составляют предание некоторых более или менее знатных польских фамилий.

У чехов, сербов и у других славянских народов и ныне род считается совершенно пресекавшимся, если нет более в живых его мужских представителей; и если некоторые, напр., чешские фамилии перешли в другие роды, то это состоялось под немецким влиянием, в отступление от коренного славянского обычая.

XVII

Нам не привелось встретить ни одного такого случая, который бы показывал, что в старинной Руси употреблялись ролевые прозвания, переведенные с какого-либо иностранного языка на русский. В Польше подобные случаи бывали, хотя, впрочем, и очень редко. Так, известная немецкая фамилия фон-Гуттен, происходящая от немецкого слова *Hutt* — шапка, была переведена там Чапский, и представители этой фамилии графы Чапские стали только в недавнее время снова писаться своим прежним немецким прозванием, т. е.

Гуттен-Чапский. Одна французская фамилия Граммон была переведена по-польски Вельгорский — словами, имеющими значение «большая гора». Другая немецкая фамилия Упруэ — «непокой» была переведена — Непокойчицкий. Замечателен странный перевод на немецкий язык французской фамилии Бетанкур, существовавшей да, кажется, еще и теперь существующей в России. Из этой фамилии происходил известный в начале XV столетия завоеватель Канарских островов. Пишется он по-французски Betencoure, а по-немецки она была переведена «Vieh im Hof», откуда и вышла известная в Остзейском крае фамилия баронов Фитингофов.

Под влиянием латинского языка в Германии в исходе XVI и в начале XVII столетий завелся среди тамошних ученых обычай переводить немецкие фамилии на классические языки. Вследствие этого между немцами встречаются: Сарториус, собственно перевод слова Schneider, так как оба эти слова значат портной, или Пискатор — перевод фамилии Fischer, т. е. рыбак. Фамилия, которую носил известный друг Лютера Меланхтон, т. е. «чер-

ная земля», была перевод его немецкой фамилии Schwarzerde. Заметим кстати, что между учеными, преимущественно же между лютеранскими пасторами, относительно присвоения себе родового прозвания завелся еще и другой обычай. Для составления такого прозвания очень часто служило крестное имя отца на латинском языке, употребленное в родительном падеже. При сем подразумевалось слово «*filius*» — сын. Поэтому такие фамилии самым ближайшим образом совпадают с русским отчеством. По этой причине среди немцев встречается такое множество фамилий: Арнольди, Фредерици, Якоби, Вильгельми, Христиани, Маттеи и т. д., что, в сущности, значит сын Фридриха, Якова, Вильгельма, Христиана, Матвея и т. д. В Швеции ученые и духовные лица прибавляли к своим недворянским прозваниям латинское окончание «*ius*». Так, например, предок нынешних русских графов Адлербергов был пастор Свибелиус, достигший впоследствии звания епископа упсальского, а, вместе с тем, сделавшийся и примасом королевства шведского. Так как в Швеции существует обычай, при возведении

в дворянство, или несколько изменить прежнее прозвание, или заменить его совершенно новым, то в конце XVII столетия сыновья епископа Свибелиуса, при получении ими дворянства от короля Карла X, приняли фамилию Адлерберг. В России в недавнее время был один перевод немецкой фамилии на русский язык. Известный наш грамматик Востоков, чистокровна и немец, носил родовое прозвание Остенек, но так как немецкое его прозвище не согласовалось с его занятием, — учить русских их родному языку, — то немец Остенек и обратился в русского — в Востокова.

XVIII

Кроме тех условий, при которых, как мы видели, составились у нас в старину некоторые двойные фамилии, и кроме перехода некоторых из пресекшихся в мужском представительстве фамилий по женскому колену, у нас явились двойные фамилии еще и на других основаниях и по другим поводам. Так, несколько фамилий были пожалованы у нас

в виде особой, чрезвычайно почетной награды, что было заведено в подражание римлянам, у которых победитель какой-либо страны или народа получал прозвание, заимствованное от имени тех мест, где он прославился своими победами. Такое подражание римлянам было впервые применено у нас Екатериною II к графу Алексею Орлову, который за одержанную им при Чесме над турецким флотом победу получил наименование — Чесменский. От Екатерины II получили такие же почетные прозвания: Румянцев, за переход через Дунай — Задунайского; Суворов, за победу при Рымнике — Рымникского; князь Долгоруков, за покорение Крыма — Крымского и Потемкин, за присоединение к России Тавриды — Таврического. Император Александр I, за победы в 1812 году русской армии в пределах Смоленской губернии, прибавил к родовой фамилии предводительствовавшего ею генерал-фельдмаршала Голенищева-Кутузова наименование Смоленский. Император Николай Павлович пожаловал фельдмаршалу Дибичу, за переход за Балканы — наименование Забалканский, а Паскевичу, за взятие Эрива-

ии — Эриванский. Последнее подобного рода пожалование было при императоре Александре Николаевиче, который прибавил к фамилии генерал-адъютанта Муравьева наименование Амурский, в память присоединения им к России Амурского края. Придача таких почетных названий сопровождалась в большей части случаев с пожалованием графского или княжеского титула, и она обращалась, вместе с тем, в родовое потомственное прозвание.

Кроме того, были у нас два особые случая придачи второй новой фамилии с княжеским титулом. Так, император Павел наименовал графа Суворова-Рымникского князем Италийским, а император Николай Павлович графа Паскевича-Эриванского — князем Варшавским.

Пожалование почетных прозваний, вроде приведенных нами, допускается, хотя и чрезвычайно редко, в Пруссии. Так, там фельдмаршал Блюхер получил наименование Вальдштадтского, а генерал Бюлов — Денневицко-го, т. е. von Waldstadt и von Dennewitz.

Наполеон I чрезвычайно любил пожалования почетных фамилий, и все его маршалы

имели почетным прозвания, заимствованные от тех мест, где они отличились воинскими подвигами. Такая же награда с титулами была даваема и некоторым лицам из гражданских сановников, причем такие прозвания брались произвольно, как, например, Фуше герцог д'Отрант, Марс дюк-де-Фельтр. Между прозваниями маршалов было и прозвание «de la Moscovia», предоставленное маршалу Нею с княжеским титулом. Наполеон III дал, между прочим, почетное прозвание Malakoff маршалу Пелисье, за взятие под Севастополем Малахова кургана, и даже китайское прозвище «Паликао» генералу Кузэн-де-Монтобану, за его блестящие действия в пределах Китайской империи.

Как на особые случаи придачи в России новых фамилий, укажем на следующие: некоему Свечину итальянский князь Торремуза, — не владетельный — двоюродный брат его жены — «уступил» одну из своих фамилий — итальянскую фамилию Гальяни с титулом графа, и император Александр Павлович дозволил этому Свечину именоваться графом Свечиным-Гальяни. Король итальянский Вик-

тор-Эммануил предоставил одному из Демидовых фамилию Сан-Донато с титулом князя, и г. Демидову дозволено было пользоваться этим титулом, но не считаясь русским князем.

Крестьянину Костромской губернии Комиссарову, при возведении его за спасение жизни покойного Государя в дворянское достоинство, к его прежнему крестьянскому прозвищу была прибавлена, по месту его рождения в Костромской губернии, фамилия Костромской. К фамилии одного англичанина — Шервуд было за открытие им заговора декабристов пожаловано прозвание «Верный».

Известно, что один бельгиец, по фамилии Вилэн, желая выразить свое удивление к необыкновенным личным достоинствам короля французского Людовика XIV, попросил у него дозволения прибавить к своей фамилии цифру XIV. Король согласился на такую просьбу, и потомки этого бельгийца выставляют при своем родовом прозвании цифру XIV.

У нас в России был случай, очень схожий с этим случаем. Император Павел Петрович по-

строил Михайловский замок и ему доставляла удовольствие похвала новопостроенному дворцу. Об этом проведал один из директоров государственного банка, статский советник Данилевский. Пользуясь настроением императора и желая обратить на себя его высочайшее внимание, он написал императору, что, восхищаясь беспредельно «Михайловским» замком, он, Данилевский, дерзает всеподданнейше просить его величество о дозволении в ознаменование этого прибавить ему, Данилевскому, к родовому его прозванию фамилию Михайловский. Павел Петрович удовлетворил эту просьбу, выразив просителю свое благоволение. Этот Михайловский-Данилевский был отцом известного нашего военного историка, которого, однако, неправильно называли Михайл^овский, так как собственно он, по происхождению своей прибавочной фамилии, должен был бы именоваться Миха^йловской.

Говоря о прибавочных фамилиях, укажем на один особый случай. Около 1860 г. «казанское литературное общество», занимавшееся в особенности исследованием средней Азии,

поднесло немецкому ученому Герману Шлягенвейту, за переход им, как путешественником, горного хребта Кююлюнь, название «За-кююлюнского», и это почетное название было, в виде родовой фамилии, утверждено за ним баварским правительством. Отчего бы другим нашим ученым обществам не последовать такому примеру в отношении наших соотечественников и не наименовать г. Пржевальского «Азийским», а пожалуй, и г. Миклуху-Маклая — «Папуасским».

В царствование императора Александра Павловича некоторое из так называвшихся «воспитанников», — питомцев лиц, принадлежавших к известным русским дворянским, а частью и к титулованным фамилиям, — которые носили особые, данные им прежде прозвания, причислены были, по просьбам их воспитателей, к фамилиям этих последних, с предоставлением им при таком причислении дворянства, гербов и титулов, принадлежавших их воспитателям.

В отношении прибавочных фамилий замечателен при Петре I такой случай. Известному сперва дьяку, а потом боярину, бывшему

своему наставнику Никите Моисеевичу Зотову, царь дал загадочную фамилию «Магнус Наклеванги». Вероятно, тут было нечто шуточное, но, тем не менее, Зотов назывался и подписывался своею новою фамилиею даже в государственных актах.

Несколько более или менее старинных, но неблагозвучных дворянских фамилий были в разное время, с высочайшего разрешения, или изменены, или заменены другими. То же делалось и делается разными сословными обществами в отношении некоторых родовых, не совсем приличных/прозвищ, употребляемых их сочленами.

XIX

На западе Европы поводом к возникновению новых дворянских фамилий служили, между прочим, и так называемые «морганатические» браки. Такое название браков одни производят от немецкого слова «Morgen-Gabe», т. е. от того подарка, который муж делал своей жене на другой день свадьбы, а другие — от готского слова «morgiun», что зна-

чит: ограничивать. Последнее толкование вполне верно, так как морганатический брак, хотя и считается вполне действительным, и в церковном, и в гражданском отношениях, и не может быть расторгнут на иных основаниях, как и всякий законный брак, но, тем не менее, фамильные права супруга, а иногда и супруги, сопровождаются известными ограничениями для той стороны, которая считается ниже. В отношении мужей такие браки бывают чрезвычайно редки, да и в отношении фамильного названия остаются совершенно незаметны. Что же касается жены, то она, как и дети, рожденные от морганатического брака, не носят фамилии мужа и отца и не пользуются ни его титулом, ни его гербом, так что собственно начинают род с своей матери.

В тех странах, где допускаются такие браки, жених при совершении их подает невесте не правую, как это принято, а левую руку. Поводом к заключению морганатического брака служит неравное общественное положение невесты применительно к положению, занимаемому женихом, т. е., если она считается

ниже его в этом отношении по своим родителям. Главным признаком такого брака служит различие в фамильных прозваниях брачной четы. Морганатические браки установлены в Германии собственно для лиц из владетельных домов, но они с разрешения верховной власти допускаются и для представителей знатных родов. Так, в Пруссии, жена короля Фридриха-Вильгельма III, графиня Гаррах, носила титул и фамилию княгини Лигниц; жена короля датского Христиана IX — графини Даннер. Дочь нашего знаменитого поэта Пушкина, Наталья Александровна, состоящая в супружестве с герцогом Насауским, получила фамилию графини Меренберг. Новые фамилии, возникающие при морганатических браках, должны переходить и к потомству морганатических супругов. Так, теперь в Вене существует князь Монтенуово, внук бывшей эрцгерцогини австрийской, а потом вдовы Наполеона I, вступившей во второй брак с графом Нейпергом. Сыну, рожденному от этого брака, дана была упомянутая итальянская фамилия.

В старинной Руси морганатические браки

не существовали, да и не могли установиться в отношении невесты даже и во владетельных семействах, так как удельные и великие князья, а потом и цари постоянно вступали в супружество с своими подданными, и при этом как насчет их супруг, так и рождаемых от таких браков детей, конечно, не устанавлилось уже никаких ограничений.

Петр Великий хотел, однако, завести у нас что-то вроде морганатических браков, но без установления их законом, да и закон о них не соответствовал бы взгляду Петра, не обращавшего внимания на породу. Тем не менее, — неизвестно, впрочем, по каким именно причинам и соображениям, — он не дозволил, чтобы дети князя Репнина, рожденные от законного его брака с какою-то чухонкою, назывались князьями Репнинскими, но повелел им именоваться Репнинскими, без княжеского титула, признав их, впрочем, дворянами.

И после Петра Великого морганатические браки не установились у нас даже в царском доме, так как при готовившихся браках императора Петра II, сперва с княжною Меншиковою, а по низвержении Меншикова, с княж-

ною Долгоруковою, не устанавливалось никакого ограничения прав как будущих супруг-императриц, так равно и потомства, которое произошло бы от этих браков. Мы находим даже, что в упомянутых случаях не оказалось налицо и тех особых обычаев, какие существовали прежде. Так, при государях московских тесть царский менял свое прежнее крестное имя, а невесту царскую нарекали за несколько времени до брака «благоверною царевною».

Первый у нас в императорской фамилии морганатический брак был брак цесаревича Константина Павловича с польскою графиней Иоанною Грудзинскою, причем ей и будущему ее потомству предоставлено было княжеское достоинство с титулом светлости и с фамилиею Лович, от имени княжества, принадлежавшего некогда архиепископам гнезненским. Впоследствии при браках герцогов Лейхтенбергских, князей Романовских, их супругам из невладетельных домов и потомкам от утих браков была предоставлена родовая фамилия Их Высочеств де-Богарне, с графским титулом, заменившим присвоенный

этой весьма древней французской дворянской фамилии титул маркиза.

XX

Говоря о фамильных прозваниях лиц женского пола, заметим, что в юго-западной Руси существовал в XVI веке особый обычай. Там девушка, вступая в брак, принимала фамилию мужа, но потом очень часто даже в официальных актах именовалась и подписывалась только тем родовым прозванием, которое она носила до своего замужества. Объяснения такой особенности нам отыскать не удалось.

За изъятием членов императорского дома, у нас морганатические браки, а следовательно и различия между фамильными именами супругов и их детей ни в каком случае не допускаются, так как жена, какого бы происхождения она ни была, она и дети, рожденные от законного с него брака, пользуются всеми правами, какие вообще истекают из брачного союза. Только в случае выхода замуж девицы или вдовы за лицо низшего со-

словия, они сохраняют права, предоставленные им по рождению или по предшествовавшему браку, но и при этом прежней своей фамилии не удерживают,

У нас по закону не установлено даже правило, существовавшее в Польше, чтобы замужняя женщина или вдова при составлении каких-либо официальных актов именовалась, вместе с тем, и своею прежнею родою фамилиею. Такое означение предоставлено у нас на волю каждой, но вообще оно у нас не принято, за исключением визитных карточек и надгробных памятников. Впрочем, у нас был только один случай, где жена постоянно отличалась не по фамилии, однако, но по прирожденному ей титулу. Так, принцесса Гольштейн-Бекская, бывшая в супружестве за князем Барятинским, дедом покойного фельдмаршала, писалась сама и ее именовала не княгинею, а «принцессою» Барятинскою.

В заключение этой главы мы скажем о фамилиях тех, которые, по действующим у нас законам, обречены являться в мир без, всякого права на какое-либо родовое прозвание — о незаконнорожденных детях. Обыкновенно

прозвание в виде родовой фамилии дается им по имени крестного отца или по имени матери. В дворянских же фамилиях очень часто присвоивается, при записке незаконных детей в метрические книги, родовое прозвание их отца, но с отброскою первой буквы или первого слога. Так, побочный сын фельдмаршала Румянцева назывался Умянцовым и носил титул барона, пожалованный ему королем польским. Другой сын фельдмаршала Румянцева, в воспоминание одной из побед, одержанных его отцом, был назван Катульским. Один из побочных сыновей фельдмаршала князя Репнина имел фамилию Пнин. Он был в свое время довольно известный литератор. В особенности «обратила на себя внимание его статья об участии незаконных детей. В ней красноречиво и трогательно высказал он все то, что ему самому пришлось перечувствовать при его ложном положении. Граф Орлов-Чесменский дал своему побочному сыну в виде фамилии пожалованное ему, Орлову, наименование Чесменский. Князь Безбородко дал побочной своей дочери фамилию Верецкая, по названию первой деревни, по-

жалованной ему Екатериною II. Есть у нас, между прочим, и одна обязательная для незаконнорожденных детей фамилия — Гомбурцов. Ее должны присвоивать тем малюткам, которые воспитываются в Воспитательном доме на счет процентов с капитала в 10.000 р., пожертвованных принцессою Анастасиею Ивановною Гессен-Гомбургскою, женою фельдмаршала русской службы в половине прошлого столетия, рожденною княжною Трубецкою. Правило относительно дачи такого прозвания в память фамилии жертвовательницы было установлено ею самою в честь фамилии ее мужа «Гомбург». Независимо от этого, подобные дети получают нередко родовые фамилии своих отцов, если с этими фамилиями не соединены почетные титулы, так как в последнем случае родичи, пользующиеся титулом, не имеют повода предъявлять притязания на причисление к их роду лица, не имеющего на это права по своему происхождению. Подобного рода щекотливые притязания устраняются легко и в тех еще случаях, когда отец, имеющий две родовые фамилии, дает побочным своим детям только

одну из них, или, наконец, тем, что, передавая им свою настоящую фамилию, прибавляет к ней еще какую-либо другую фамилию. В простонародье подкидышам дается обыкновенно прозвание Богданов, — прозвание, имеющее свой явный смысл.

XXI

Перейдем теперь к тем особым частностям, которыми обуславливается происхождение фамильных прозваний по областям и сословиям.

Родовые прозвания в Малороссии чрезвычайно разнообразны и среди тамошнего простонародья; и по тем словам, от которых они происходят, и по их окончанию они резко отличаются от прозваний великорусских. Среди же дворянства большая часть старинных малороссийских фамилий, как большая часть великорусских, оказывается не туземного, а чуждого происхождения. Хотя представители этих фамилий вполне «обмалорусились», как «обвеликорусились» в Великой России потомки иноземных выходцев, но, тем не менее, и

среди первых сохранились в фамильных прозваниях признаки их иноземного начала.

Из сотни с небольшим тех малороссийских родов, члены которых занимали еще во времена гетманов важнейшие уряды или должности в войске запорожском, коренных малороссийских прозваний можно насчитать очень немного. В числе же чужестранных фамилий были: Апостолы — молдавская; Брюховецкие, Бутовичи, Валькевичи, Гудовичи, Гуляницкие, Дунины-Барковские, Зуборовские, Забелло и другие — польские; Карновичи — чешская; Капнисты, Мануйловичи — греческие; Домонтовичи — литовская; Кочубеи и Якубовичи — татарские; Милорадовичи — герцеговинские; Гамалеи — турецкая и т. д. Иные фамилии хотя и кажутся чисто малороссийскими, но родоначальниками их были выходцы из-чужа.

Такая пестрота среди малороссийских фамильных прозваний объясняется тем, что в XVI столетии Украина была сборищем искателей приключений, наплыв которых был значителен с разных сторон, в особенности же из Польши. Оттуда удалялось в Малороссию

множество так называемых «баннитов», т. е. шляхтичей, которые за своеволие и нелады с польским правительством, а иногда и за какие-либо общие уголовные преступления, осуждены были на «банницею», т. е. на изгнание из отечества. Баннитов было так много, что в войсках Богдана Хмельницкого считалось их до 6,000. Значительное число этих удальцов осело потом на Украине, и потомки их, сделавшись православными, сохранили, однако, за несколькими исключениями, свои родовые польские прозвания, и, кроме того, некоторые из чистокровных малороссов, желая прослыть шляхтичами, или принимали польские фамилии, или переделывали свои простонародные малорусские прозвания на польский лад, так что, например, Гриценко или Потапчюк обращались в Грицеиского и Потапского. Казак Василенко переделал свою фамилию так: он обратил имя Василий в польское Базиль и затем прибавил окончание «евский». У малороссов, склонных к шуткам, большая часть родовых прозваний произошла от насмешливых прозвищ. Так, хохла, спалившего хату, прозвали «Палий», а разво-

дившего огонь около реки — Паливода. Человека громадного роста называли в насмешку Малютой и, наоборот, приземистого — Махиной и т. д.

Среди малороссов, как и среди великороссов, не было обычая производить свои фамильные прозвания от принадлежавших им «маетностей», или имений. Они производились, как и в Великой Руси, главным образом, от отчеств, затем от личных прозваний, а иногда и от названия должностей, занимаемых кем-либо из членов рода, причем господствовавшими окончаниями, имевшими значение происхождения, а также и ласкательный смысл, были «ко», «юк» и «ак». Так, например, в виде отчеств явились: Семененко, Кириленко, произведенные от собственных имен Семен и Кирило; Крамаренко — от храмарь, т. е. лавочник, Судьенко — от слова судья и т. д. Павлюк — уменьшительное имя Павел; Черняк, Краснюк — прилагательные имена, обращенные сперва в личные, а потом в родовые прозвища.

Двойные фамилии в Малороссии довольно употребительны. Это объясняется, как мы по-

лагаем, во-первых, тем, что в Малороссии, как и в Великой России, довольно поздно установились окончательные родовые прозвания, так что там, в одно и то же время, употреблялись и личные, и наследственные прозвища, а во-вторых, тем, что во время отпадения Украины от Польши поселившиеся на Украине польские шляхтичи, из страха преследования, заменили свои родовые фамилии малороссийскими прозвищами, а потом, когда при водворившихся среди казачества великорусских порядках пришлось доказывать шляхетство или дворянство, они стали делать ссылки на принадлежавшие им издавна шляхетские фамилии. Поэтому, в большей части случаев, наряду с малороссийским прозвищем встречается и шляхетско-польская фамилия, напр., Курилло-Сементовский, Немирович-Данченко, Гудима-Левкович и т. д., да и, кроме того, такая прибавка смахивала на шляхетско-польский «przydoinek», о чем мы говорили выше.

Когда же вследствие разных надобностей и служебных исканий малороссы начали ездить в Петербург, где их не слишком долюб-

ливали, то они стали приближать свои чисто хохлацкие фамильные прозвания к великорусским, с прибавкою соответствующих окончаний. Так, Костенко и Павленко обращались в Костенкова и Павленкова, Солоница — в Солоницына, Нечай — в Нечаева и т. д.

Особенность фамильных прозваний у малороссов заключается в изменении их окончаний для лиц женского пола. Так, для замужних и для вдов употребляются окончания «иха», а для девиц — «ичка», напр., Мазепиха, Кочубнчка. Это, впрочем, свойственно и польскому языку, а в некоторых случаях и нашему простонародью. Так, поляки называют жену Тышкевича и Сапеги — Тышкевичева и Сапежина, а дочерей их — Тышкевичувна и Сапежанка. У нашего народа тоже, как мы сейчас сказали, существует для отличия женских лиц особая форма для таких фамильных прозваний, которые в русском языке не изменяются в женском роде, например, Миллерша, Шмидтша, так что и маркизу Помпадур называли бы у нас в простонародье Помпадурша, Помпадуршина или, пожалуй, еще проще: Помпадуриха.

XXII

В прибалтийском нашем крае, где все старинное дворянство немецкого происхождения, фамилии в этом сословии должны существенно разниться от туземно-народных эстских и латышских прозвищ. Если мы не ошибаемся, то с таким прозвищем там среди местного древнего дворянства существует одна только фамилия фон-Куббе, или Каупо, Каупе, выдававшаяся по своей знатности среди леттов еще до прихода к ним немецких крестоносцев. Один из представителей этого леттского рода принял в 1216 г. от папы Целестина III фамилию Ливе, или Ливен, и был родоначальником нынешних российских светлейших князей и баронов Ливенов. Вообще же в прибалтийском крае древних фамилий, существовавших во время господства там ливонского ордена, осталось теперь немного: всего не более ста. Остальные же тамошние немецкие фамилии состоят из потомков позднейших германских выходцев и еще более из потомков эстов и латышей, принявших

немецкие фамильные прозвания.

Говоря о старинном остзейско-немецком дворянстве, у нас нынешних его представителей называют очень часто «потомками» рыцарей, но это не совсем точно, так как рыцари давали обет безбрачия и, следовательно, не могли иметь законных детей. Есть также в остзейских губерниях немало онемечившихся французских фамилий, переселившихся туда вследствие воздвигнутых, по уничтожении в конце XVII столетия нантского эдикта, гонений на гугенотов во Франции. К чужеземным, но уже вполне онемечившимся фамилиям принадлежат несколько польских фамилий, а также и потомки выкрещенных евреев, принявших немецкие фамилии.

К немецким дворянским фамилиям причислено и несколько русских, внесенных по какому-либо случаю в тамошние дворянские матрикулы. Среди этих фамилий встречается и семинарская фамилия Сперанского, внесенная в лифляндский матрикул до получения им еще графского титула. Из малороссийских онемечившихся родов существовала некогда в Лифляндии фамилия Малама, пользовавшаяся

яся баронским титулом.

С присоединением к России Западного края, к русским подданным присоединилось множество лиц, носивших польские, литовские и ополяченные русские дворянские фамилии. Фамилии эти не изменились вследствие этого присоединения, но что касается тамошних крестьян и мещан, из христиан, то родовые их прозвания получили, особенно у крестьян, великорусскую окраску. В их родовые прозвания стали обращаться, против тамошнего обычая, полуотчества, а чиновники из поляков, не умевшие сладить с таким нововведением, писали полуотчества с окончанием то на «ов», то на «ин», как попало, не соображаясь с свойствами русского языка. Оттого в западном крае вместо прозвания, например, Фомин явился Фомов, а вместо Семенов — Семенин.

Чрезвычайно большой прилив совершенно чуждых русскому языку родовых прозваний произошел в России вследствие присоединения к ней Закавказского края. Но замечательно, что нигде не удается так легко, как там, внешнее обрусение туземных фамилий

и, притом, самым простым способом — изменением или усечением окончаний, собственных грузинским фамилиям на «швили» и армянским на «янц» — на «ов». Так, там явились фамилии: Аваловы, Андронниковы, Мачабеловы, Меликовы, Палавандовы, Салаговы, Тумановы, Челокаевы, Эристовы и другие, которые с первого раза могут показаться по их окончанию, а некоторые даже и по звуку, великорусскими фамильными прозваниями. Такое обрусение армянских родовых прозваний происходило в прежнее время, когда сами армяне желали казаться русскими, но когда впоследствии и между ними стала развиваться «идея национальности», то они стали менять новозаимствованные ими русские прозвища на прежние армянские, и тогда между ними взамен, например, Назарова оказался Назарианц, а вместо Окопова — прежний Акопианц.

Так, в приказных отписях XVII века встречаются под чисто русскими прозваниями: Лунев — голландец, Кнутов — датчанин, Юрьев и Иванов — англичане, Игнатьев — немец, Афонасьев — еврей.

Кроме того, в так называвшемся Новороссийском крае и в бывшей Бессарабской области существует немало молдавских и греческих фамилий, которые по окончанию и по звуку резко отличаются от русских, малороссийских и польских фамилий. Молдавские фамилии оканчиваются преимущественно на «ско» и на «ано» или «ено». Некоторые греческие фамилии легко поддаются обрусению. Так, например, Леопардос обращается в Леопардова, Албанос — в Албанова и Евлампииос в Евлампиева. Греческая фамилия одного из известных русских ученых — Качиони обратилась в Каченовского. Нынешние греческие фамилии оканчиваются преимущественно на «аки», но окончание это не должно смешивать с окончанием «акий», встречающимся в старинных польско-малороссийских фамилиях, как, например, Мазаракий.

Надобно, впрочем, заметить, что обрусение по фамильным прозваниям производится у нас уже издавна не только в силу давности пребывания на Руси иноземца, но и сразу. Позднее в XVII веке, между камчадалами, участвовавшими в маскараде, бывшем по

случаю свадьбы в «ледяном доме», были: Юдин, Бороздин и Чернов; в старинных документах встречается «индеец» Иванов, «японец» Бедаков и «бурят» Чистохин. В числе людей, приведших в 1741 году в Петербург из Персии слонов, значатся, между прочими, «персиане»: Соколов, Петров, Крестьянов, Барабанов и «армяне»: Иванов и Константинов. Заметим кстати, что цыгане носят обыкновенно самые употребительные русские родовые прозвания преимущественно в виде полуотчеств.

Местными особенностями при образовании фамильных прозваний можно считать следующие. Среди донских казаков, вместо окончания «ской», употребляется окончание «сков», напр., вместо Днепровской — Днепровсков; а в Сибири — «ых» и «ских» в именительном падеже единственного числа, например, Иван Бледных, Василий Еловских и т. д.

XXIII

Указав вообще на происхождение и обра-

зование фамильных прозваний в России, мы добавим к этому несколько особенностей, зависевших не столько от языка местных жителей и прилива разных чужеземцев, сколько от условий сословного быта и некоторых случайностей. Замечания эти относятся, во-первых, к фамильным прозваниям нашего духовенства и, во-вторых, к таким же прозваниям евреев, живущих в пределах русского государства.

Несмотря на то, что в так называемых «внутренних великорусских» губерниях православное духовенство принадлежит к самой коренной части туземного населения, в среде его встречается такое разнообразие фамильных прозваний, какое едва ли можно заметить даже среди нашего старинного дворянства, происходящего в значительной части от иноземных выходцев и подвергавшегося различным влияниям со стороны чуждых русских национальностей.

В православном русском духовенстве попадает немало совершенно не русских, разумеется, сравнительно со множеством фамилий чисто русского склада, сходных с прозва-

ниями, столь употребительными среди других, ближайших к духовенству сословий, т. е. фамилий, произведенных от обиходных русских слов или полуотчеств. Так, например, среди его находятся лица, носящие фамильное прозвание, вроде: Носов, Орехов, Медведев и т. д. Наряду, однако, с этими простыми родовыми прозваниями великорусского духовенства оказывается много прозваний чрезвычайно вычурных и произведенных от слов, заимствованных из разных иностранных языков. Замечательно, что в последнем случае сделано гораздо больше позаимствований из латинского, нежели из греческого языка, который, конечно, должен был бы быть гораздо ближе предстоятелям восточно-греческой церкви, нежели язык латинский. С первого взгляда кажется, что такое позаимствование не имеет никакого историческо-культурного значения, но, в сущности, оно весьма важно, так как оно указывает на то господствующее влияние, которому в исходе XVII века стало подчиняться образование нашего духовенства. Проглядывает это влияние и в сходстве фамильных прозваний, существующих

щих среди великорусского, как городского, так и сельского духовенства, с фамилиями польскими. В силу этого словопроизводства, лет сорок тому назад — значит в ту пору, когда о недавно изобретенных в Северной Америке велосипедах не имели у нас еще никакого понятия, в одной из примосковских епархий существовал престарелый диакон, по прозванию Велосипедов или, как он произносил свое прозвание применительно к латинскому выговору, — более правильному, — Велоципедов. Это латино-русское прозвание может восходить по своему корню с большою вероятностью гораздо далее, нежели, например, древняя достоверность существующего в северо-западном крае ополячившегося шляхетского рода де-Кампо-Сципин, производящего себя от одного из знаменитых римских Сципионов. Поводом же к возникновению фамилии Велоципедов послужило следующее обстоятельство.

Престарелый диакон, поступивший мальчуганом в духовное училище под одну из многочисленных праздничных фамилий: Вознесенский, Воскресенский, — или что-то по-

добное, по этому прозванию смешивался со многими из своих товарищей, но лично он отличался тем, что бегал на своих молодых ногах чрезвычайно быстро. В ту пору латинизм так же господствовал в духовных училищах, как и вообще господствовал школьный обычай давать каждому ученику какую-нибудь кличку, и под этим влиянием будущий отец диакон получил латинское прозвание «*veloces pedes*», а при переходе из училища в семинарию его, в отличие от прочих однокашников, имевших одноименные прозвания, нарекли и по качеству — Велоципедовым.

Пришлось также нам слышать, что в одной из великорусских епархий существовало лицо духовного сана под прозванием Просвирищенский. Объяснялось это прозвание так: однажды пришел к местному владыке дьяк с своим маленьким сынишкою и по уставу оба бухнулись ему в ноги. Полюбился преосвященному стоявший перед ним на четвереньках мальчуган. Добрый иерарх приласкал его, погладил по голове и в знак своего благоволения приказал ему взять просвиру. Маленький

попович вконец растерялся, водил своими оторопелыми глазами по сторонам, отыскивая владычный дар. Архиерею почему-то очень понравилась такая растерянность мальчика, который так долго искал просвиру, хотя она и лежала перед ним на столе; владыко снова погладил его по голове, и в память этого события он, при поступлении в духовное училище, именовался Просвироищенским.

Все это объясняется тем, что еще в исходе XVII столетия, — а потом и до второй половины XVIII века, когда фамильные прозвания в великорусском духовенстве еще не установились, — насадителями просвещения среди его, а потом и в числе как главных, так и второстепенных иерархов были малороссы, воспитавшиеся в польско-латинских школах и приносившие в Россию позаимствованную там закваску, при которой латинский язык получал и в наших духовных училищах первенствующее значение, например, Ясинский, Малиновский.

Представляется чрезвычайно странным, что в составе нашего клира чисто русские лю-

ди носят, например, такого рода прозвания: Преферанский, Орнатский, Делигенский, Сперанский, Лекторский, Лявданский, Гумилевский, Оранский, Мелиоранский, Констанский, Альбинский и множество других подобных тому родовых прозваний, заимствованных из латинского языка и по окончанию свойственных преимущественно польским фамилиям. К последним подходят очень часто, хотя и случайно, также и те фамилии среди православного великорусского духовенства, которые заимствуются от какой-либо местности, например, Лазовский, от села Лазова, в Ярославской губ., и Ламанский — от реки Ламань, в Вологодской губернии. Этого, впрочем, еще мало, так как пестрота в фамильных прозваниях нашего духовенства идет еще далее. К производству их служили и служат: имена мифических героев, а также прославившихся мужей языческой древности, имена греков и римлян и даже имена богов и богинь греческого Олимпа. Встречаются в корнях фамилий, носимых представителями нашей церкви, имена известных лиц истории разных народов, — имена, внесенные ис-

ключительно в святцы западной церкви, и, наконец, географические названия разных иностранных областей, рек и городов. Вследствие этого у нас есть из коренных великороссов митрополиты, архиереи, архимандриты, священники и проч. с такими, например, прозваниями: Минервин, Геркулесов, Парисов, Церерин, Цицеронов, Юнонин, Дианин, Аквилонов, Мильтиадов, Фемидин, Фермопильский, Орлеанский, Амстердамский, Рудольфов, Леопольдов, Альфонский, Адоабаров и т. д. Есть также фамилии, произведенные от имен библейских: Немвродов, Ноев, Сарданапалов.

Родовые прозвания, заимствованные от имен языческих богов и богинь, противоречат даже одному из правил вселенских соборов, так как еще на Никойском соборе было запрещено христианам употреблять имена языческих «божков», дабы привести их в забвение. Правда, что такое постановление было нарушено впоследствии даже самою церковью, так как к лику святых были причислены преподобные, носившие имена Аполлона и даже Меркурия, но все как-то странным

должно казаться, что в православной церкви священнодействуют сыновья языческих богинь, напр., Юноны или девственницы Дианы, потому что такое значение имеют семинарские прозвания Юнонин и Дианин и многие другие, подходящие под этот разряд родовых прозвищ, употреблявшихся, даже быть может среди нашего православно-великорусского клира. При таком измышленном производстве родовых прозваний не должно показаться несколько странным, если на обширном пространстве Руси отыщется где-нибудь отец протоиерей Калхасов. Было бы очень кстати, если бы церковные власти, имея в виду не только странность подобных прозваний, но и касающийся до них некоторым образом запрет Микенского собора, сочли уместным если не изменить такие уже существующие ныне прозвания, то, по крайней мере, прекратили бы возможность их появления на будущее время.

Наряду с такими фамильными прозваниями является бесконечное множество прозваний, заимствованных от названий праздников и построенных в чествование их церквей.

Всякий русский, конечно, знает, сколько встречается всюду в великорусских губерниях: Воскресенских, Богоявленских, Спасских, Стретенских, Троицких, Духовских и т. д. Такой способ производства фамильных прозваний несравненно более приличествует православному великорусскому духовенству, нежели указанный нами выше способ производства от имен, не соответствующих вовсе духовному сану. Этот последний способ зависел главным образом, от того, что среди нашего духовенства — вопреки обычаю старинного русского дворянства и русского простонародья вообще — не повелось давать, такие прозвания исключительно по личным прозвищам отцов, а также мало встречается прозваний по отчествам. Оттого среди нашего духовенства не встречается почти ни Долгополовых, ни Курицыных, ни Ласточкиных и тому подобных фамильных прозваний. Некоторые из своеобразных фамилий, присвоенных лицам духовного звания, посредством государственной службы их представителей, перешли и в среду русского дворянству.

В Малороссии православное духовенство

составлялось, как и католическое в Польше, почти исключительно из шляхты, следовательно, из таких лиц, которые имели уже какое-либо родовое прозвание. Великорусское же духовенство таких прозваний не имело, и потому являвшиеся среди его архипастыри и начальствующие лица из уроженцев Малороссии хотели пополнить этот слишком заметный для них недостаток. Прозвание духовных только по отчествам и по позаимствованию фамилий от церквей и праздников представляло, по их привычке, слишком большое однообразие и порождало бы сбивчивость, а потому, с одной стороны, под влиянием представителей епархиальной, а иногда только и семинарской власти, а с другой — под влиянием классицизма, и возникли те замысловатые для русского человека прозвания, о которых мы упоминали выше.

Сами иерархи из малороссов, как шляхтичи, придавали известную важность фамильным прозваниям, от которых они, по примеру католического духовенства, не отрекались и по вступлении в монашество. В подражание им, такой обычай начал устанавливаться и сре-

ди великорусского монашества, так как представители его наряду с именем, нареченным при пострижении, стали выставлять и свое родовое прозвание, в таком, впрочем, только случае, если оно было дворянское, как, например, Георгий Дашков. Церковное правительство, с своей стороны, не признавало такой занесенной из-чужа новизны правильною, и она, просуществовав недолго, вывелась из употребления, тем более, что дворян вступало в монашество очень немного. В настоящее время при одноименности иерархов прибавляется и семинарская их фамилия, например: Филарет Амфитеатров и Филарет Гумилевский, но это прибавка только частная, а не допускаемая церковным управлением.

XXIV

Что касается еврейских прозвищ, то до присоединения к России областей, подвластных прежде Польше, такие прозвища не могли иметь никакого общего значения, а прозвища попадавших случайно в Московскую Русь евреев переделывали на русский лад, на-

пример: Яковлев, Марков.

В исходе XVII столетия, еще до Петра Великого, в число переводчиков посольского приказа попали двое выкрещенных евреев, один под фамилиею Веселовский, а другой — под фамилиею Шафиров, собственно Шапиро, что означает камень сапфир. Вообще же евреи во всей Европе не имели сперва родовых прозваний по тем причинам, о которых мы говорили в начале нашей статьи. Для означения же родства в нисходящей, и восходящей линиях они употребляли древнееврейское слово «бен», означающее сын и соответствовавшее русскому отчеству. При замене же в обиходной жизни древнееврейского языка исковерканным немецким жаргоном, слово «бен» стало заменяться окончанием «зон» или «сон». Отсюда такое множество фамильных прозваний, кончающихся на «сон», что такие прозвания считаются признаком еврейского происхождения, хотя это и не безусловно верно, потому что с таким окончанием существуют, между прочим, и шведские, и немецкие фамилии. Есть также коренные еврейские фамилии, которые ближайшим образом совпа-

дают с самыми употребительными немецкими фамилиями. Например, немецкая фамилия Мейер, происходящая от латинского слова «major» — старший, смешивается очень часто с еврейскою фамилиею Меер, что значит пророк.

На западе Европы принятие евреями родовых, а не одних только употреблявшихся ими издавна личных прозваний, сделал обязательным римско-немецкий император Иосиф II. Он приказал, чтобы каждый живущий в его владениях еврей присвоил себе какое-либо прозвище, которое потом и переходило бы наследственно на все потомство первопринявшего известное прозвище. Исполнение этого указа было возложено на полицейские власти, которые и воспользовались таким распоряжением, чтобы поживиться на счет евреев. Громкие и приятные для евреев имена, как Рубинштейн, Пургольд, Розенталь и т. п. полиция стала давать богатым евреям при получении с них значительной подачки. Уплатившие полиции только умеренно, получали прозвания от имен географических: Винер, Лембергер, Кашауер и т. д.; тем евреям,

которые не могли достаточно убогатворить полицию, давались имена более простые, как-то: Фукс, Гун, Эссиг, и, наконец, те из них, которые были не в ладах с полициею, получили, как бы в отместку с ее стороны, грубые и даже ругательные прозвания: Эзелькопф, Лауффрессер и даже Швейнсон.

В тех же странах, где евреи не были принуждаемы принимать родовые прозвания по назначению этих последних со стороны полиции, они преимущественно заимствовали их от собственных личных имен и названий разных нравившихся им предметов. В некоторых случаях такие первоначально только личные прозвища обращались постепенно в родовые.

Первое распоряжение об обязательном принятии прозваний евреями, поступившими в подданство России, и о передаче этих прозваний потомству состоялось еще при Екатерине II, при присоединении к России Белоруссии. Но постановление это не приводилось в исполнение, главным образом, вследствие неправильного ведения метрических записей о рождающихся, да и сам еврей, по

разным своим соображениям, очень часто менял по несколько раз принятое им однажды прозвание, так что разобраться в этой путанице было не только трудно, но, пожалуй, и невозможно.

В настоящее время живущие в России некрещенные евреи присвоивают себе самые разнообразные фамилии, так что их трудно по этому признаку отличить не только от немцев, поляков, малороссов, белоруссов, но и коренных великоруссов, например, есть и выкрещенные и некрещенные евреи: Ильины, Прохоровы, Елисеевы, Филипповы и т. д. В одном уголовном процессе, происходившем в Волынской губ., в числе обвиняемых и свидетелей были евреи: Пружанин, Волов и Сошкин, которых можно было принять за русских, если бы наряду с этими прозваниями не стояли исключительно еврейские собственные имена: Сруль, Хаим и Мошка.

В прежнее время евреи меняли свои фамилии при обращении в христианство. Так как поводом к этому бывало очень часто желание избежать предстоящего за какое-либо преступление наказания или уменьшить его ме-

ру, или же под новым христианским именем и новою фамилиею укрыться от преследования полицейской или судебной власти, то такая перемена в настоящее время воспрещается законом, и евреи, принявшие православие, обязаны удерживать те фамильные прозвания, которые они носили до крещения.

Хотя вообще перемена фамилии или присвоение чужой у нас не допускается, но есть случаи, в которых за это не полагается никакой ответственности. Под произвольной фамилией, хотя бы и с каким-нибудь почетным титулом, званием и чином, на самом деле не принадлежащими, дозволяется являться в печати, в области ученой или литературной деятельности. Так, у нас закон не препятствует присвоивать сочинителю какой угодно ему так называемый «псевдоним» или, собственно, ложное имя; то поэтому, например, у нас существует граф Жасминов. Такой порядок относительно писателей и издателей допускается законодательствами всех стран, где существует печать.

Замена собственной фамилии другою, произвольно взятой, допускается также повсе-

местно, а, между прочим, и у нас при появлении кого-либо на театральной сцене. У нас такой почин сделала императрица Екатерина II, давшая знаменитому в ее время русскому актеру Нарыкову фамилию Дмитревский, по сходству его с одним известным ей польским графом, носившим такую фамилию. Впоследствии подобные перемены сделались у нас очень обыкновенны. Так, фамилия одной известной в свое время русской актрисы Лесогоровой была заменена переводом этой фамилии на немецкий язык — Вальдберг. В тридцатых годах один из певцов русской оперы — француз Шарпантье являлся на сцене под фамилиею Леонова, а актер Дальмас, коренной француз, явился на русской сцене под фамилиею Прохорова. В настоящее время таких превращений на сцене чрезвычайно много. Скажем кстати, что повсюду в театральном мире, а также и в России, бывает всего чаще замена певцами и певицами их неитальянских фамилий итальянскими. Так, ходила молва, что известная некогда в Петербурге певица Фиоретти, в действительности Цветкова, приняла свою фамилию от слова «fiore»,

что означает цветок, и будто фамилия французского актера Дъедоне, пользовавшегося недавно в Петербурге большим расположением публики, была перевод русской фамилии — Богданов.

Титулы в России

I

Титулы Царствующего Дома

Некогда в России был только один титул князя. Слово это несомненно славянского происхождения, хотя слишком уже ученые наши историки и производят его от норманского слова «конунг», означающего «предводитель», «король». Титул этот, однако, и притом издавна, существовал у таких славян, которые не имели никаких сношений с норманами, варягами тож, но всюду он давно уже утратил свое важное значение. Только на Руси он долее, чем в других странах, сохранял прежнее значение, и в продолжение многих столетий его носили русские владетельные особы, т. е. удельные князья и великие князья, причем в последнем случае имя прилагательное «великий» употреблялось в смысле «старший». Так как впоследствии явилось в Восточной Руси немало удельных князей с таким дополнительным наименованием, то да-

же и титул великого князя утратил свое первоначальное значение. Великих князей явилось немало: рязанские, смоленские, тверские и ярославские, но все они перевелись. Оставались только великие князья московские, но и они прибавили к своему прежнему, казавшемуся уже скромным, титулу — титул царя, сохранив, однако, и прежний титул великого князя, который, равно как и титул князя, удержались донныне в полном императорском титуле при исчислении некоторых областей, составлявших некогда великие и удельные княжения.

При Петре Великом у нас стали называть государя — монархом; хотя слово это и греческое, но оно пришло к нам не из Византии, а с Запада, откуда также пришло именование государя и членов его дома «августейшими» в смысле лиц, заслуживающих особого уважения.

С принятием великим князем Иваном IV Васильевичем царского титула, сыновья царя стали носить титул царевичей и великих князей, а дочери — царевен и великих княжен, а посл. с принятия Петром Великим им-

ператорского титула, титул царевича оставался за его сыновьями, но дочери его именовались уже не царевнами, а цесаревнами, так как титул императора считался однозначным с титулом кесаря, или цесаря. Впоследствии император Павел Петрович в «Учреждении об Императорской Фамилии» отменил титул царевичей и царевен и предоставил всем своим потомкам, до пятого колена включительно, титул великих князей и великих княжен, а вместе с тем и императорского высочества, а следующим затем потомкам титул князей и княжен императорской крови и высочества, без прибавления императорское, но до настоящего времени поколение царствующего дома не достигало еще той степени нисходящего родства, в которой должно было бы начаться употребление этих титулов, хотя в недавнее время счет нисходящих колен и сокращен одним поколением.

В «Учреждении об Императорской Фамилии» Павел I ввел в императорскую фамилию новый титул — «цесаревич», с тем, чтобы титул этот принадлежал старшему сыну царствующего государя, как будущему его на-

следнику. Но сам Павел Петрович сделал из этого титула другое употребление: он не предоставил его исключительно старшему своему сыну Александру Павловичу, но пожаловал титул цесаревича, в виде почетной награды за военные подвиги в Швейцарском походе, своему второму сыну, Константину Павловичу, который и носил его до конца своей жизни, так что только по смерти его покойный император Александр Николаевич стал, и 1831 г., носить титул цесаревича, как старший сын и объявленный наследник императора Николая Павловича. Затем титул цесаревича перешел, при вступлении на престол императора Александра II, к старшему сыну его, великому князю Николаю Александровичу, а после его кончины — к ныне царствующему государю императору, а от него уже, по праву первородства, перешел к настоящему государю наследнику, великому князю Николаю Александровичу. Соответственно титулу цесаревича и супруга наследника престола титулуется цесаревною и великою княгинею.

Были примеры пожалования особых титулов и лицам, родственным царствующему до-

му. Так император Николай Павлович пожаловал титул императорского высочества принцу Петру Георгиевичу Ольденбургскому и титулы князей Романовских и императорского высочества герцогам Лейхтенбергским, имевшим прежде право только на титул светлости.

Так называемого «величанья», а по-западному «предиката», у русских государей и у членов его семейства прежде вовсе не было. По принятии Иваном IV царского титула, государей московских стали именовать царским или пресветлейшим величеством и великим государем; в последнем случае слово «великий» употреблялось в том же смысле, в каком употреблялось оно в былое время при слове князь. Прибавление это казалось необходимым потому, что с исхода XVI века обращение с словом «государь» стало делаться у нас обиходным, и даже крестьяне стали обыкновенно величать своих вотчинников и помещиков государями. В прежнее время в иных случаях русские государи довольствовались титулом «благородие». Следы этого сохранялись и — если мы не ошибаемся — со-

храняются и донныне в церковных книгах. Так по «Чиновнику», т. е. по книге, по которой архиерей совершает литургию, он, обращаясь после большого выхода к присутствующему государю, говорил: «Благородие твое да помянет Господь Бог во царствии своем». Величали также в старину русских государей и «милостию», и «благоутроблен» Царю Алексею Михайловичу не только наши повествователи и драматурги, но даже и историки, придают название «Тишайшего», считая такое название его личным прозвищем, но это ошибочно. Когда во второй половине XVII века на Москве стал, благодаря приезду туда наставников, обучавшихся в польских и итальянских училищах, водворяться латинизм, то употреблявшееся на западе величание государей «clemen tissimus» стали переводить по-русски «тишайший». Этот титул давался и царям Феодору и Ивану Алексеевичам, и царевне Софье Алексеевне. Придавался он и царю Петру I, который, конечно, не был из тишайших. Замечательно, что до принятия Петром Великим императорского титула ему в церковном богослужении многолетие возглаша-

лось так: «тишайшему, избранному и почтенному царю и великому князю».

3-го декабря 1721 года, в общем собрании синода и сената рассуждали о том, какой установить новый титул русских государей по случаю поднесения Петру I императорского достоинства. Общее собрание за благо рассудило упомянутый выше титул выключить, а супругу императора титуловать «цесарёва». Петр утвердил это мнение синода и сената, заменив только слово «цесарёва» словами «цесаревино величество». В иных особо торжественных случаях, где при возглашении многолетия, как, например, на богоявленском повечерии, прочитывается полный титул императора всероссийского, его именуют «цесарским величеством». В этом же титуле, кроме царств, великих княжений и некоторых бывших удельных княжений и присоединенных к России областей, состоящих в действительном обладании русского государя, находятся еще собственно только почетные, возникшие из родового права титулы: наследника норвежского и четыре иностранных герцогских титула, а в царствование императора

Павла Петровича к прежним титулам присоединен был, по его повелению, титул: «великого магистра державного ордена Иоанна Иерусалимского». К неудовольствию Павла Петровича, этот новый титул синод признал нужным поставить в самом конце большого титула, а при императоре Александре I он был исключен вовсе, хотя и мог бы остаться, как титул почетный, как историческое воспоминание...

Вместе с тем изменением российско-императорского титула, о котором мы упомянули выше, собрание синода постановило: выключить также титул «благородный» царевич и «благородная» царица, потому что, как сказано в указе синода, такое название «по нынешнему употреблению низко, ибо благородство и шляхетству дается». Титул этот был заменен словом «благочестивый», а этот последний титул, принадлежавший некогда государю, был, в свою очередь, заменен для него и его супруги титулом «благочестивейший», «благочестивейшая».

Впоследствии, когда в дипломатии латинский язык был заменен языком французским,

прежнее величание «clementissimus» переведено было на французское «très gracieux», а у нас это французское слово было переведено — «всемилоостивейший» и это название было также применено к государскому титулу, взамен прежнего «тишайший».

II

Почетные дворянские титулы

Замечательно, что у нас царский и даже королевский титул может считаться и почетным дворянским титулом. Так титул царя всея Руси был пожалован при Иване IV бывшему царю казанскому, Симеону Бекбулатовичу, который впоследствии в разрядных списках, т. е. в списках московских служилых людей, значился царем Тверским. В 1598 году царь Борис Федорович Годунов пожаловал титул царя Касимовского пленному киргизскому царевичу Ураз-Махмету, а Михаил Федорович дал такой же титул Альп-Арслану, внуку царя сибирского Кучума. От этого царя Касимовского пошли царевичи Касимовские, существовавшие в числе русских дворян до

1715 года, когда умер бездетным последний царевич Касимовский.

От родного младшего брата царя Касимовского и трех двоюродных его братьев пошли царевичи Сибирские. Род их продолжается доньне; но в 1718 году Петр I приказал им, вместо царевичей, писаться князьями Сибирскими.

Впоследствии члены царских домов грузинского и имеретинского, отправляя службы в России, носили титул царевичей, и только в недавнее время титул их был заменен княжеским.

В прошедшем году умер в Петербурге в очень преклонных годах полковник русской службы принц де-Лузиньян, именовавшийся по праву наследия «титулованным королем» Кипрским и Иерусалимским. Так как он получил от императора Николая Павловича чин полковника, то, вступив в русское подданство, он мог бы быть причислен к потомственному русскому дворянству, и если бы представленные им в установленном порядке доказательства на носимые им титулы были признаны действительными, то ничего не

могло бы препятствовать ему, будучи русским дворянином, носить в России, с высшего разрешения, и присвоенный им себе титул не только принца, но и короля. Само собою, впрочем, разумеется, что признание за ним этого, титула в других государствах зависело бы от правительства того государства, в какое он явился бы с таким пышным титулом.

III

Княжеские титулы в России

Ныне действующие у нас законы признают три дворянские титула: князя, графа и барона. При этом право пользования наследственным княжеским титулом принадлежит: а) нынешним потомкам древних русских и литовских князей и б) лицам, происходящим от предков, возведенных с их потомством в княжеское достоинство российскими императорами или утвержденных в оном по пожалованию от иностранных государей.

Узаконение это, изданное в 1846 году и остающееся донныне в своей силе, не обнимает, од-

нако, собою, — как мы это увидим, — всех тех случаев, когда вообще почетный, и, между прочим, княжеский титул признается за кем-либо и помимо высказанных условий, и исторический очерк об усвоении теми или другими дворянскими родами княжеского титула выяснит справедливость сделанного нами теперь замечания.

До Петра Великого пожалования княжеских и вообще каких-либо почетных титулов у нас не происходило, за исключением разве титула «именитого» человека. Титул этот был пожалован царем Иваном Грозным одному из Строгановых, занимавшемуся врачеванием и лечившему заволоками царского любимца, Бориса Годунова. Название «именитые люди», которые впоследствии царь Алексей Михайлович пожаловал всему роду Строгановых, не следует считать титулом дворянским, так как оно ставило носившего его только выше «гостя», но не вводило в служилое, по тогдашнему понятию, дворянское сословие.

Несмотря на то, что в древней Руси пожалования почетных титулов не было, в ней было очень много князей. Они принадлежали к

следующим трем разрядам: 1) к потомкам великого князя Рюрика; 2) к потомкам великого князя литовского Гедимина и 3) к разным иноплеменникам, преимущественно к мордве и татарам.

К 1700 году, несмотря на пресечение многих удельных княжеских семейств, происшедших от них княжеских родов считалось 47; из них некоторые были очень многочисленны: так, например, в ту пору только род князей Гагариных имел одновременно 27 представителей, а род князей Волконских — 30, другие же роды были близки к прекращению, имея только по одному представителю, не оставившему после себя мужеского поколения. Затем, в продолжение 184 лет, из общего числа упомянутых княжеских родов 11 совершенно угасли, как роды: Великогатиных, Жировых-Засекиных, Пеньковых, Пожарских, Хотетовских, Голышных, Корходиновых, Татевых и Тюфякиных. Другие роды, пресекшиеся в мужском поколении, были восстановлены высочайшею властью с передачей их прозваний и титулов другим фамилиям по женскому колену. Так фамилия князей Ромоданов-

ских перешла к Ладыженским, Прозоровских — к князьям Голицыным, князей Репниных — к князьям Волконским, князей Дашковых — к графам Воронцовым, без княжеского титула, и угасшая в недавнее время старейшая некогда в роде Рюриковичей фамилия князей Одоевских была передана г. Маслову, с тем, чтобы титул и фамилия князей Одоевских были присвоены только одному лицу по праву первородства.

Остальное потомство Рюриковичей, относительно довольно многочисленное, не носит уже княжеского титула. Нельзя сказать с достоверностью о причинах, заставивших бывших некогда князей отказаться от их титула, но так как представители этих родов в XVI и XVII веках не занимали никаких видных служебных мест ни при дворе, ни в войске, то надобно полагать, что они, как говорилось в старину, захудали, а так как княжеский титул в ту пору не давал никаких особых прав, то он и казался излишним. Только о Сатиных, потомках князей Козельских, в одном старинном родословце упоминается, что они «сложили с себя княжение», но при этом о причи-

нах такого поступка ничего не упоминается. Кроме Рюриковичей, имели бы право на княжеский титул по своему происхождению несколько дворянских, ныне существующих фамилий, происходящих от косожского князя Редеги и греческого владетельного князя Степана Ховры, но потомки ни того, ни другого этого титула не употребляют.

Поэтому ничего нет неправдоподобного, если некоторые не только дворяне, но и однодворцы, считают себя по происхождению Рюриковичами и, следовательно, имеющими право на княжеский титул. Восстановление утраченных княжеских титулов у нас не было в обычае, кроме лишь тех случаев, да и то в ближайшее уже к нам время, когда титул этот, будучи утрачен по суду, восстанавливался в лице утратившего его или его сыновей по особой монаршей милости, как это было сделано, например, в отношении некоторых, так называемых, декабристов. Впрочем, и попыток к такому восстановлению, насколько нам известно, в былое время не делалось. Однажды только всемогущий любимец Екатерины II, князь Зубов, обратился к ней с просьбой,

чтобы она восстановила княжеский титул родного его дяди Трегубова, на который он, Трегубов, имел право по происхождению от черкесских князей, но императрица отказала даже и Зубову в этой просьбе, ссылаясь на то, что если сделать это в отношении Трегубова, то справедливость требует поступить точно так же и в отношении других очень многих дворян.

Император Павел, при составлении «Общего Гербовника», положительно высказался против таких восстановлений и приказал: «для ознаменования тех дворянских фамилий, кои действительно происходят от родов княжеских, хотя сего титула и не имеют, оставлять в гербах их корону и мантию».

К таким родам принадлежат, например, роды: Ржевских, Всеволожских, Татищевых и многие другие. По ныне действующим узаконениям, никакой почетный титул не восстанавливается, если не будет удостоверено, что пользование титулом сохранялось в роде постоянно, по крайней мере, в трех последних поколениях, начиная от лица, предъявляющего свое право на титул.

В потомстве Гедимины, в 1700 году, существовало, собственно в России, четыре княжеские рода: Куракины, Голицыны, Трубецкие и Хованские. Дворянских родов не было. Все эти княжеские роды продолжают и ныне, а один из них, именно род князей Голицыных, чрезвычайно размножился.

По присоединении к России от Польши Западного края, к упомянутым отраслям Гедиминовичей прибавились существующие и ныне роды: князей Кориятовичей-Курцевичей, Воронежских, Чарторижских и Сангушек. Надобно, впрочем: заметить, что в последнее время польские историки стали оспаривать, и не без основательных доводов, действительность происхождения от Гедимины: Трубецких, Чарторижских и Сангушек, выводя их не от него, но от русских князей, которых некогда было немало в литовско-русском княжестве в XIV веке.

Затем большинство как существовавших в 1700 году, так и ныне существующих княжеских родов — татарского, мордовского и грузинского происхождения, и в общей сложности своей они, по крайней мере, в десять раз

превышают по своей численности княжеские роды русского происхождения.

Такой наплыв князей татарской, мордовской, грузинской и частью горской породы в наше титулованное дворянство объясняется тем, что в XVI и преимущественно в XVII веках русские государи, и между ними в особенности царь Алексей Михайлович, ревнуя о распространении православия между татарами и мордвою, приказывали принимавших православную веру татарских мурз и мордовских «панков» писать княжим именем, а между ними, не говоря уже о татарах, только среди одной мордвы набралось до 80 мордовских родов, более или менее обусевших и пользующихся, на законном основании, наследственным княжеским титулом, хотя большинство их и живет, как живут простые крестьяне, занимаясь, между прочим, и извозничьим промыслом в Петербурге.

Князей из татар вообще у нас было и есть такое множество, что и ныне в простом русском народе каждого татарина называют князем, да и он считает себя таковым, хотя и торгует в разнос старым платьем или халатами,

а то и казанским мылом.

Обеднение и даже совершенная нищета князей Рюрикова племени, проявлявшаяся уже в XVII веке, их приниженное положение в Москве, когда они стали считать за особенную честь быть холопами великого князя московского, и главным образом появление множества князей из татар и мордвы отняли всякое значение у княжеского титула, и дело дошло до того, что, по указу 1675 года, название кого-либо князем без имени стало считаться не почетом, а «бесчестьем». Это объясняется тем, что князь и татарин сделались словами однозначущими, так что только крестное имя отличало православного от тарина.

Не говоря уже о том, что Рюриковичи с особенным удовольствием стали занимать низшие придворные служительские должности, они в XVII столетии, как, например, князя Вяземские, служили в нескольких поколениях попами и дьячками в селах у помещиков средней руки, а князя Белосельские были приживальцами у каких-то Травиных. Упадок русско-княжеских родов дошел до то-

го, что существовавшие в своей древней княжеской отчине, Боровске, ныне уездном городе Калужской губернии, князья Боровские числились в ряду тамошних посадских; и в сороковых годах нынешнего столетия последняя представительница этой Рюриковской отрасли, княжна Боровская, не выделилась из своей среды, в которой она выросла, ничем, кроме титула с историческим родовым прозванием. Она вышла замуж за одного боровского мещанина. Когда император Николай Павлович узнал о таком браке, то приказал выдать бывшей княжне Боровской, на обзаведение, 10.000 рублей ассигнациями, чем молодая чета была чрезвычайно довольна.

Если громадное большинство татарских и мордовских князей с прозванием, например, Игобердеев, Идебердеев, Шайсупов, Разгильдеев, Семенеев и т. д., не только не промелькнуло на страницах нашей истории, но даже не встречается и в списке чиновных лиц, но оставалось, да и ныне остается в убожестве и неизвестности, то в противоположность этому некоторые татарско-княжеские роды достигли богатства и знатности. К числу таких ро-

дов принадлежат: князья Урусовы, князья Черкасские и князья Юсуповы. Представители этих родов причислены были при императоре Павле к русско-княжеским родам, а представители двух первых, т. е. Урусовы и Черкасские, еще в XVII веке стояли на высших степенях московского боярства, несмотря на то, что члены этих родов только недавно приняли православную веру. Из них Урусовы были потомки Эдигея, князя ногайского, одного из вождей Тамерлана, а князья Черкасские считались потомками египетского султана Инала и были владельцами Кабарды. Князья Юсуповы были однородцы с Урусовыми и своим возвышением они всего более были обязаны расположением к одному из них со стороны могущественного Бирона.

Другие татарско — ныне — русско-княжеские роды, как, например, Ширинские-Шихматовы, были потомки татарских мурз, имевших исключительное право вступать в брак с дочерьми крымских ханов. Ширинские мурзы начали приходить в русское подданство в половине XVI века; при этом они принимали православную веру и со вре-

менем совершенно обрусели. Но еще задолго перед тем, как предки князей Ширинских-Шахматовых появились в Москве, один из князей или мурз Ширинских, Бахмет, пришел из Большой Орды в Мещеру, завоевал ее, крестился там сам и вместе с собою крестил многих людей. От этого Бахмета (Усейна) и пошли нынешние князья Мещерские.

Грузинские князья стали появляться еще в Москве, и первые из них были князья Дадяни, совершенно ныне обрусевшие и существующие под фамилией князей Дадьяновых. Они оставили свои владения, Мингрелию, в половине XVII столетия, вследствие мятежа, поднятого каким-то сванетом Каци-Чикуани, который, низвергнув Дадяна, утвердился сам в Мингрелии и сделался родоначальником существующих ныне, также в России, князей Мингрельских. Выехали также в Россию, еще в 1666 году, двое грузинских князей, потомки которых писались сперва Хохоновыми-Давыдовыми, а потом стали писаться и ныне пишутся только князьями Давыдовыми.

Впоследствии, при переезде в Россию царя грузинского Вахтанха, в 1714 году, им был

представлен русскому правительству список приехавших с ним грузин. Из них некоторые были означены словами «таваде», «моурави» и «эристави», и все эти титулы были переведены словом «князь». При окончательном подданстве Грузии, последним царем ее, Георгием, был также представлен общий список грузинских родов, которые могли иметь право на дворянство, и те из этих родов, которые были означены словом «таваде», получили также право на название князьями. Список этот чрезвычайно длинен, а поэтому у нас в настоящее время и является такое множество грузин с титулом князей.

Титулы эти, независимо от пожалования потомственного звания «таваде», возникли еще в силу владетельных прав, присвоенных некоторым родам, в числе которых находится немало и армянского, и осетинского происхождения. Так носят княжеский титул: Дадешкилиани по владению Сванетиею, Гурьели — Гуриего, Абашидзе — Абхазиею; прочие же по пожалованию звания «таваде», которые в Грузии разделялись на три степени, но в России все эти степени были признаны рав-

ноправными, и потому все «таваде» были переименованы в князей. В князья же попали некоторые роды персидского происхождения, имевшие титул «меликов».

Вообще право на княжеский титул бывших грузинских подданных представляет большую запутанность, и для разбора относящихся к этому дел в 1846 году учреждены были в Тифлисе и Кутаисе особые комиссии, которые в 1850 году и признали княжеский титул за 69 фамилиями, кроме множества тех фамилий, которым и прежде еще придано было название князей.

Княжеский титул был придаваем в прошлом столетии и начальникам разных иногородческих поколений в Сибири. Такой же титул с фамилиею Дондуковых был признан и за потомками одного из калмыцких ханов Дондук-Омба, а в начале нынешнего столетия за каким-то индейцем Порюс-Визапурским.

В старинных приказных отписках встречаются князья: Великопермские, Пелымские, Фабуловы и многие другие, ныне, как кажется, уже не существующие. К иноземным же князьям, упоминаемым в старинных москов-

ских актах, принадлежат князья Мышецкие, происходящие от одного из маркграфов Мейсенских, и князья Болловские, Лукомские, Несвицкие и Нерыцкие; происхождение их с точностью неизвестно, но, во всяком случае, они не из татарских мурз и, вероятно, три первые рода составляют потомство тех князей русских, которые были некогда удельными в нынешнем западном крае, а Нерыцкие считаются выехавшими из Италии, хотя достоверных насчет этого сведений не имеется, да в настоящее время они уже не существуют.

Сохранилось известие в сибирских летописях, что первый русский завоеватель Сибири Ермак Тимофеевич Повольский был от Ивана IV Васильевича пожалован титулом князя сибирского. Такое известие, однако, весьма сомнительно не только потому, что не встречается насчет этого указания ни в каких делах, но и потому еще, что вообще в государстве московском до Петра Великого пожалования княжеских титулов не производилось, хотя, как мы видели, и были случаи возведения татар даже в царский сан. Отсутствие таких пожалований можно всего легче объяснить

упадком княжеского титула в XV, XVI и XVII столетии даже до того, что, как мы видели, самое название кого-либо князем стало считаться бесчестьем.

При таком упадке в России княжеского достоинства, Петр 30-го мая 1707 года пожаловал княжеским достоинством бывшего сперва графом, а с 1705 года светлейшим князем Римской империи, генерал-поручика Александра Даниловича Меншикова. При этом надобно обратить внимание на то, что в этом случае княжеский титул был собственно прибавочным к титулу «герцога Ижорского», который дал Петр Меншикову. Кроме того, сам Меншиков не слишком дорожил княжеским титулом, который он употреблял собственно для того, чтобы поставить себя, человека не родословного, вровень с Долгоруковыми, Репниными, Голицыными и другими представителями древнего московского боярства, от которых он, кроме титула «князь», отличался еще и титулом «светлости», а дети его обыкновенно назывались не князьями, а «принцами».

Заметим при этом, что у нас на Руси, как

это, впрочем, было и во всей Западной Европе, древность дворянского рода считалась, да и ныне считается, выше нового почетного титула. Это проистекает из той мысли, что титул может получить каждый простолюдин, тогда как дать «благородных» предков лицу, не имеющему их по рождению, не в состоянии никакая власть, как бы могущественна она ни была.

После Петра Великого русские государи в продолжение девяноста лет не возводили никого в княжеское достоинство, вероятно, потому, что никто из знатных вельмож не льстился стать вследствие такой награды наряду с захудалыми Рюриковичами и, конечно, еще менее желал кто-нибудь, по дарованному ему отличию, уподобиться множеству татарских и уже довольно избыточному числу грузинских князей. Чтобы поднять дворянско-княжеское достоинство в России, нужно было предварительно показать лиц, облеченных этим достоинством, в блеске знатности, богатства и могущества, что, как мы увидим, и случилось в царствование Екатерины.

При ней явились князья среди такой обста-

новки, что поэтому несколько позднее император Павел I мог уже княжеский сан считать чрезвычайною наградою, особенно с титулом «светлости», выделявшим новопожалованного князя из множества его сотитульников, бывших в большинстве мелкой сошкой.

Первая такая награда была пожалована им, 5-го апреля 1797 года, вице-канцлеру Александру Андреевичу Безбородко. Затем Павел пожаловал князьями: генерал-прокурора Петра Васильевича Лопухина, и с титулом князя Итальянского, генерал-фельдмаршала графа Суворова-Рымникского. Четвертым князем, пожалованным Павлом I, был армянский патриарх Иосиф, по фамилии Аргутинский, с его братьями и племянниками; при этом новопожалованным князьям Аргутинским дозволено было писаться Аргутинскими-Долгорукими; это прозвание дано было им в память их происхождения, — неизвестно, насколько достоверного, — от одного из древних царей персидских, Артаксеркса, прозванного Долгоруким.

Император Александр I пожаловал княжеским достоинством: генерала-от-инфантерии

графа Михаила Илларионовича Голенищева-Кутузова, с титулом светлости, и вскоре после того наименованного Смоленским; председателя государственного совета фельдмаршала графа Николая Ивановича Салтыкова и русского посла на венском конгрессе графа Андрея Кирилловича Разумовского. При этом и Салтыков, и Разумовский получили титулы светлости. Кроме них, княжеский титул, но без светлости, дан был главнокомандовавшему 1-ю армиею фельмаршалу графу Михаилу Богдановичу Барклай-де-Толли.

При императоре Николае Павловиче число таких пожалований увеличилось. При нем первую пожалована была княжеским титулом, а затем и титулом светлости, статс-дама графиня Шарлотта Карловна Ливен. Титул этот был дан ей за ее педагогические труды, собственно за воспитание великих княжен сестер императора и как лицу, пользовавшемуся особым уважением императорской фамилии, с распространением обоих пожалованных ей титулов на ее нисходящее потомство.

Затем от императора Николая получили:

титул князя Варшавского с титулом светлости генерал-фельдмаршал граф Иван Федорович Паскевич-Эриванский; фельдмаршал граф Фабиан Вильгельмович Остен-Сакен; председатель государственного совета граф Виктор Павлович Кочубей и граф Илларион Васильевич Васильчиков, но все трое без титула «светлости». После того князьями пожалованы были: военный министр граф Александр Иванович Чернышев и наместник кавказский граф Михаил Семенович Воронцов, без титула «светлости».

Затем княжеский титул при императоре Николае получили еще: камер-паж султан Сагиб-Гирей-Чингис, как старшин сын умершего султана внутренней киргизской орды; по смерти его княжеский титул перешел к его младшему брату; — и шамхал Тарковский, которому был предоставлен титул княжеский по праву первородства.

При императоре Александре Николаевиче был только один случай пожалования княжеского титула, но без прибавления светлости, а именно председателю государственного совета графу Алексею Федоровичу Орлову.

Из этого перечня видно, что собственно жалованных князей у нас очень немного, да и сверх того роды князей: Безбородко, Лопухина, Голенищева-Кутузова, Разумовского, Барклай-де-Толли, Остен-Сакена и Воронцова пресеклись в мужском поколении, а роды князей Меншикова, Суворова-Италийского и Чернышева имеют только по одному представителю мужеского пола.

Мы уже упоминали о тех причинах, которые содействовали упадку в России княжеского титула еще при царях московских, но в последней четверти прошлого века титул этот снова поднялся вследствие того, что носившие его лица были могущественными временщиками при дворе, да и, кроме того, они имели титул князей Священной империи Римской, пользовавшийся во всей Европе большим почетом и значением.

Князь Римской, собственно. Немецкой империи, мог сделаться из титулярного князя, — каким уже издавна сделался князь в России, — действительным, а не мнимым князем, приобретя каким-либо способом в пределах бывшей Германской империи герцогство,

княжество, маркграфство или графство. Он становился в ряду владетельных особ, и для приема «имперских владетельных князей» были установлены при европейских дворах особые церемониалы.

Таковыми князьями из русских подданных, кроме Меншикова, были: генерал-фельдцейхмейстер, русский граф, Григорий Григорьевич Орлов, генерал-фельдмаршал, тоже русский граф, Григорий Александрович Потемкин, получивший от Екатерины II наименование Таврического, и генерал-фельдцейхмейстер, граф Платон Александрович Зубов. Все эти лица, хотя только сами по себе сделавшиеся богатыми, знатными и сильными, жили в такой блестящей обстановке, в которой проявлялись и утонченная изысканность запада, и грубая роскошь востока, так что они могли казаться уже не заурядными, хотя бы и очень высокими, сановниками, ею, пожалуй, владетельными князьями. Они, как равно и князь Меншиков, благодаря фавору, достигли такой высокой степени могущества, какой не достигали у нас ни прежде, ни после, ни прирожденные, ни жалованные русские князья.

Кроме упомянутых четырех князей из русских уроженцев, был еще в России один светлейший князь Римской империи, бывший молдаванский господарь, Дмитрий Константинович Кантемир. Род его пресекся в исходе XVIII столетия, а также с этим же достоинством, но без титула светлости, пришли в прошлом столетии в русское подданство: Радзивиллы, Любомирокие и Яблоновские. Добавим к этому, что в царствование Екатерины II был в России богатый грек Мавросни, пользовавшийся княжеским титулом, по пожалованию ему этого титула патриархом константинопольским.

Сверх этих князей, в русском подданстве состоят: князя Сайн-Витгенштейн-Берлебург; княжеский титул пожалован им королем прусским, и князя Вреде, по пожалованию им княжеского титула королем баварским. Пользуются также в России княжеским титулом представители родов, занимавших место молдавских господарей, как, например, Маврокордаты и Кантакузены.

Таким образом, если сообразить все сделанные нами замечания о значении княже-

ского титула в России, то нельзя не признать, что лица эти вообще не только не представляли собой русской аристократии, в значении западноевропейской аристократии, — которой, кстати сказать, никогда у нас и не было, — но даже не составляли безусловно высшей служилой знати, за исключением немногих родов, имевших в разное время историческое значение и, большею частью, уже прекратившихся. Прочие же роды, хотя и отличенные княжеским титулом, оставались и ныне остаются в безызвестности и убожестве.

IV

Графские титулы

Если, как мы видели, к исходу XVII века некогда самый почетный на Руси титул «князь» утратил свою прежнюю важность, то, как бы взамен его, у нас появился новый почетный дворянский титул «графа». Значение этого титула было непонятно для русских людей и лица, получавшие его, не умели даже правильно написать его, так как в подписях своих заменяли букву «ф» буквою «ѳ». Вскоре,

однако, титул этот пришел в большой почет, так как на первых порах стали носить его видные вельможи, знатные сановники, и близкие к государю люди. Вдобавок к тому, с пожалованием этого титула соединялось и пожалование большого состояния, так что при Петре I бедняков-графов еще не оказывалось, тогда как в противоположность тому было множество не только убогих, но и нищенствовавших князей. Поэтому, вероятно, и до сих пор еще в народе с названием «граф» соединяется понятие о знатности и богатстве, и, например, уменьшительное слово «графчик» имеет в народе совершенно иной смысл, нежели слово «князек».

Со времени Петра I у нас появились графские титулы, различные по их пожалованию. У нас были графы; Российской империи и графы Священной Римской империи, а потом стали появляться графы или иноземцы, вступавшие с таким титулом в русское подданство, или получавшие его уже после того от разных влиятельных особ, или пользовавшиеся таким титулом без достаточного на то права. За некоторыми из иностранных гра-

фов присвоенный ими себе титул был в то или другое время признан русскими государями. Если вообще у нас графов в настоящее время гораздо менее, чем князей, то в отношении своего происхождения титул этот представляет такую же пестроту, как и княжеский.

Первым графом в России оказывается фельдмаршал генерал-адмирал, боярин и посольских дел президент, Федор Алексеевич Головин, а после него гвардейской бомбардирской роты поручик Александр Данилович Меншиков, а затем посольских дел президент Гавриил Иванович Головкин. Все трое, однако, не были «русскими» графами, так как графский титул был пожалован: Головину 16-го ноября 1701 году и Меншикову в 1702 году римско-немецким императором Леопольдом I, а Головкину в 1707 году императором Иосифом I. Первым же собственно русским графом был фельдмаршал Борис Петрович Шереметев, получивший графский титул от Петра Великого в 1706 году в награду за усмирение стрелецкого бунта в Астрахани.

В 1709 году Петр дал графский титул канц-

леру Гавриилу Ивановичу Головкину, имевшему уже такой титул с 1706 года, по пожалованию, от римско-немецкого императора Иосифа I. В 1710 году, Петр был почему-то особенно щедр на раздачу графских титулов. В этом году были пожалованы им графами: боярин Иван Алексеевич Мусин-Пушкин, генерал-адмирал Федор Матвеевич и боярин Петр Матвеевич Апраксины и бывший учитель царя Никита Моисеевич Зотов, с распространением этого титула и на его нисходящее потомство. Но по смерти Зотова, в 1717 году, детям и внукам его запрещено было именоваться графами. Титул этот был, однако, возвращен его потомкам в 1803 году, при браке одного из правнуков Никиты Моисеевича с княжною Еленою Алексеевной Куракиной. Затем Петр возвел в графское достоинство: в 1721 г., — генерал-фельдцейхмейстера Якова Велимовича Брюсса, в 1722 году обер-шенка статского советника Андрея Матвеевича Апраксина и в 1722 году действительного тайного советника Петра Андреевича Толстого, но в 1727 году Толстой, по неприязни к нему Меншикова, был лишен графского достоин-

ства, которое было возвращено только внукам его в 1760 году. Таким образом от Петра Великого девять лиц получили графский титул.

Екатериною I возведены были в графское достоинство: генерал-майор Девьер, действительный статский советник Рейнгольд, бригадир Карл и дворянин Фридрих Левенвольде и два брата Скавронские, Карл и Федор. Из числа этих лиц Девьер, в 1727 году, был лишен графского титула, который был возвращен ему в 1743 году императрицею Елисаветою. Император Петр II пожаловал графом одного только Миниха, бывшего в то время с. — петербургским генерал-губернатором. Императрица Анна Ивановна пожаловала графский титул: в 1730 году московскому генерал-губернатору Федору Васильевичу Салтыкову и вице-канцлеру барону Андрею Ивановичу Остерману, в 1731 году — обер-шталмейстеру Ягужинскому, в 1732 году — московскому генерал-губернатору Семену Андреевичу Салтыкову, в 1739 году — фельдмаршалу Ласси и в 1740 г. — генерал-майору Александру Романовичу Брюссу. От императрицы Елисаветы

Петровны получили, в 1742 году, графский титул: ее двоюродные по матери братья и сестры, Ефимовские, Тендряковы, Андрей и Иван Симоновичи, и их родные сестры, девицы Мария и Марфа, и Скавронские. Графский титул был пожалован также и генерал-аншефу Григорью Петровичу Чернышеву и тайному советнику Петру Михайловичу Бестужеву-Рюмину, а в 1744 году — обер-егермейстеру Алексею Григорьевичу Разумовскому и брату его камер-юнкеру Кириллу, начальнику тайной канцелярии Ушакову и генерал-аншефу Александру Ивановичу Румянцеву. В 1746 году был дан графский титул генерал-поручикам Александру и Петру Ивановичам Шуваловым, а в 1760 году — фельдмаршалу Александру Борисовичу Бутурлину, на словах, без всякого письменного заявления.

В продолжительное царствование Екатерины II несколько лиц из русских подданных, имевшие невысокие чины, или даже вовсе их не имевшие, получили графское достоинство от иностранных государей; но сама государыня пожаловала титулы графов Российской империи сравнительно весьма немногим.

Так ею были пожалованы графами: камергер Иван, генерал-поручик Григорий, генерал-майор Алексей и камер-юнкеры Федор и Владимир Григорьевичи Орловы, в 1767 году — действительный тайный советник Никита Иванович и генерал-аншеф Петр Иванович Панины в 1775, году — президент военной коллегии Григорий Александрович Потемкин; в 1789 году — генерал-аншеф Александр Васильевич Суворов с наименованием «Рымникский»; в 1790 году — генерал-аншеф Николай Иванович Салтыков; в 1793 году — генерал-аншефы: Михаил Никитич Кречетников и Павел Сергеевич Потемкин, и генерал-поручик барон Ферзей.

В противоположность той малочисленности по пожалованию графского титула, какою отличалось слишком тридцатичетырехлетнее царствование императрицы Екатерины II, преемник ее, император Павел Петрович явил в этом отношении в продолжение с небольшим четырехлетнего царствования необычайную щедрость. Через шесть дней после своего воцарения он дал графский титул генерал-майору Алексею Григорьевичу Боб-

ринскому, а затем, в день своего коронавания, 5-го апреля 1797 года, он пожаловал графами «Российской империи» бывших уже графами Римской империи — троих Воронцовых, Безбородко, генерал-лейтенанта Дмитриева-Мамонова, действительного тайного советника Петра, бригадира Якова и статского советника Илью Васильевичей Завидовских. Был также пожалован в этот день «русским» графом генерал-лейтенант, прусский граф Федор Федорович Буксгевден, а также возведены прямо в графское достоинство Российской империи: фельдмаршал Каменский, генерал-от-инфантерии Каховский, Гудович и тайный советник Мусин-Пушкин. Затем в продолжение своего царствования Павел Петрович возвел в графское достоинство в 1798 году трех братьев Сиверсов, за заслуги старшего из них, и обер-камергера Александра Григорьевича Строганова, имевшего сперва баронский титул, пожалованный фамилии Строгановых Петром Великим, а потом получившего титул графа Римской империи. В следующем году были пожалованы графами: с. — петербургский генерал-губернатор барон Пален, адми-

рал Кушелев, действительный тайный советник Ростопчин, наказной атаман войска Донского Денисов, вице-канцлер Кочубей, генерал-лейтенант Аракчеев, егермейстер Кутайсов, имевший уже пожалованный ему Павлом титул «российского» барона, и генерал-лейтенант «французский» граф Лонжерон.

Император Александр Павлович в день своей коронации возвел в графское достоинство государственного казначея Алексея Ивановича Васильева, имевшего уже, как и Кутайсов, баронский титул, генерала-от-инфантерии Татищева и семейство Протасовых. В 1809 году от императора Александра I получили графский титул: генерал-майор Михаил Васильевич Гудович, а также и братья его; в 1811 году — генерал-от-инфантерии Голенищев-Кутузов, будущий фельдмаршал и светлейший князь Смоленский. Замечательно, что война 1812–1814 года не ознаменовалась особенными пожалованиями графских титулов. Такой титул получил только наказной атаман Платов, а в 1813 году генералы-от-инфантерии Милорадович и Барклай-де-Толли,

и генерал-от-кавалерии Беннигсен. В следующие же затем годы, император Александр Павлович возвел в графское достоинство: московского военного генерал-губернатора Торماسова (1816 г.), генералов-от-инфантерии Ламздорфа и Вязьмитинова (1818 г.), генерал-адъютанта Коновницына, министра финансов и уделов Гурьева (1819 г.) и в 1821 году-генерала-от-инфантерии барона Фабиана Остен-Сакена.

Первым из получивших от императора Николая Павловича графский титул был командир лейб-гвардии конного полка Алексей Федорович Орлов, возведенный впоследствии в княжеское достоинство. В день коронации пожалованы были графами: военный министр Татищев, генерал-лейтенант, впоследствии военный министр и светлейший князь, Чернышев, генерал-лейтенант Курута, русский посол в Париже Поццоди-Борго и действительный тайный советник барон Григорий Александрович Строганов. В 1827 году, был возведен в графское достоинство генерал-адъютант барон Дибич, впоследствии фельдмаршал, получивший наименование «Забалкан-

ского». В 1828 году, дан был титул графа Эриванского командиру кавказского корпуса Паскевичу, будущему фельдмаршалу и светлейшему князю Варшавскому. В 1829 году, получили графский титул: генерал-адъютант барон Толь, инженер-генерал Опперман и министр финансов Канкрин, а в 1831 году — генерал-адъютант Васильчиков, пожалованный, спустя семь лет, князем. Член государственного совета генерал-адъютант Павел Васильевич Голенищев-Кутузов и шеф корпуса жандармов Бенкендорф получили графское достоинство в 1832 году. Из генерал-губернаторов двое были императором Николаем пожалованы графами: с. — петербургский — Эссен и киевский — Левашев, оба в 1832 году. Наибольшее число пожалований приходилось на личный состав государственного совета. Так получили по этому учреждению графский титул: председатель департамента гражданских и духовных дел адмирал Мордвинов (1834 г.), председатель государственного совета Новосильцев (1835 г.), председатель департамента законов Сперанский (1839 г.) и председатель того же департамента Блудов.

Из министров, кроме упомянутых выше Татищева и Канкрин, пожалованы были графами: государственных имуществ Киселев (1839 г.), народного просвещения Уваров (1846 г.), финансов Вронченко и внутренних дел Перовский, оба в 1849 году. Получили также графский титул: в 1839 году, дежурный генерал военного министерства Клейнмихель, в 1843 году действительный статский советник Корвин-Коссаковский и каменец-подольский губернский предводитель дворянства Пршездецкий. Впрочем, титул этот был дан ему только лично, без распространения на его потомство. В 1847 году возведены были в графское достоинство главноначальствующий над почтовым департаментом В. Ф. Адлерберг, инспектор резервной кавалерии Никитин и командир 3-го пехотного корпуса Ридигер.

Первым из получивших графский титул от императора Александра II был командир 4-го пехотного корпуса барон Д. Е. Остен-Сакен. Титул этот был дан ему за блистательное участие в геройской обороне Севастополя 10-го апреля 1855 года; 17-го апреля того же года,

был возведен в графское достоинство оренбургский и самарский генерал-губернатор В. А. Перовский, а в декабре того же года — вице-адмирал Путятин, бывший потом министром народного просвещения. В день коронации императора Александра II, возведены были в графское достоинство: обер-гофмейстер Олсуфьев, обер-камергер Рибопьер и генерал-адъютант Сумароков. В последующее за тем время этой награды удостоились: флигель-адъютант полковник Б. А. Перовский, генерал-адъютанты: Евдокимов, Литке, Лидере, Граббе, Н. Н. Муравьев с наименованием «Амурский», генерал-губернатор Северо-Западного края М. Н. Муравьев, Коцебу, Лорис-Меликов и П. Н. Игнатъев, бывший председатель комитета министров. Министры: почт и телеграфов И. М. Толстой и внутренних дел Ланской, посол при лондонском дворе барон Бруннов, член государственного совета барон Корф, военный министр Милютин, генерал-адъютант Тотлебен, председатель комитета министров П. А. Валуев и товарищ генерал-фельдцейхмистра Баранцев.

Графское достоинство Российской импе-

рии-получали также прямо и притом с распространением на потомство и лица женского пола. Так возведены были в это достоинство: императором Павлом — статс-дама баронесса Ливен, получившая впоследствии, при императоре Николае, княжеское достоинство с титулом светлости; императором Александром Павловичем — вдова действительного тайного советника Протасова: императором Николаем Павловичем — статс-дама Баранова и императором Александром Николаевичем — вдова генерал-адъютанта Ростовцева.

Все те случаи пожалования, о которых мы говорили, относятся только к пожалованию графского достоинства «Российской империи»; но, независимо от этого, русские государи, как цари польские и великие князья финляндские, жаловали иногда графские титулы особо по этим владениям. Так, например, московский генерал-губернатор Закревский и наместник царства Польского Берг были графами не Российской империи, но только великого княжества Финляндского. Кроме того, в России находится немало «иностраных» гра-

фов, получивших этот титул или до вступления их предков в русское подданство, или после того, от разных иностранных государей, а также и существовавших в былое время республик Венецианской и Рагузской. Но перечисление этих фамилий, отчасти признанных в графском достоинстве в России, а отчасти еще нет, было бы очень продолжительно. Вообще же об иностранных титулах мы скажем далее.

Из приведенного здесь перечня русско-графских фамилий видно, что из лиц, получивших графское достоинство в России, было немало лиц, принадлежавших к древним дворянским фамилиям. В числе таких лиц были: Шереметев, Толстой, Апраксины, Салтыковы, Бутурлины, Шуваловы, Панины, Воронцовы. Дмитриевы-Мамоновы, Мусины-Пушкины, Строгановы, Татищевы, Голенищевы-Кутузовы, Коновницын, Васильчиков, Муравьевы и Валуев. Затем большая их часть были люди «случайные», или из среднего дворянства, или занимавшие по своему происхождению очень скромное положение. Порядок пожалования графским титулом не со-

блюдался особенно в прошлом столетии, иногда он представлялся первостепенною, а иногда как бы среднею только наградою. В нынешнем же столетии графский титул был в большей части случаев жалует тем генералам и гражданским сановникам, которые уже имели орден Андрея Первозванного, хотя исключения из такого порядка бывали нередко.

Заметим также, что встречаются известия и об уклонении некоторых лиц от получения графского титула. Такими лицами были: известный генерал 1812 года Раевский, А. П. Ермолов и Нарышкины. Эти последние отказались, впрочем, не только от графского, но и княжеского титула. Такой отказ объясняется исключительностию их положения в царствование Петра I, Петра II и Елисаветы Петровны, когда они, по близкому родству с Петром I, считались как бы членами царского дома и во всех торжественных случаях занимали первенствующее место среди всех вельмож и царедворцев, несмотря даже иной раз на их невысокую чиновность.

Вдобавок к этому, упомянем еще об одном весьма своеобразном титуле — о титуле кеса-

ря с титулом «величества». Титул этот, пожалованный Петром Великим князю Федору Юрьевичу Ромодановскому употреблялся и в правительственной переписке и от князя Федора перешел к сыну его князю Ивану Федоровичу, умершему в 1730 году. Несомненно, однако, что титул этот был шуточный, как и титул князя-папы. Император Павел, передавая фамилию и титул князей Ромодановских генерал-поручику Ладыженскому, не предоставил вместе с тем ему титул «кесаря», но тем не менее дозволил ему употреблять придворную ливрею — право, которым пользовался «кесарь» его дед.

Титулы светлости и сиятельства

В дополнение к княжескому и графскому достоинствам у нас существуют особые титулы, или так называемые «предикаты», что по-русски можно перевести словом величание: «светлость» и «сиятельство». Мы уже упоминали о тех лицах, которым одновременно с княжеским достоинством или несколько позднее после того был придан титул светлости. Но, кроме этого, в виде особой награды получили предикат светлейших и не жалованные, а прирожденные князья. Такие титулы в отдельности стал жаловать только император Николай Павлович и их получили: в 1834 году фельдмаршал и министр императорского двора князь Петр Михайлович Волконский: после него московский генерал-губернатор князь Дмитрий Владимирович Голицын, и от императора Александра Николаевича государственный канцлер князь Александр Михайлович Горчаков. Дополнительные эти титулы распространены и на потом-

ство пожалованных ими лиц. По-французски титул этот переводится *Altesse Serenissime*, а по-немецки *Durciilaucht*.

Обыкновенно всем князьям придается у нас титул «сиятельства», но это вовсе неправильно, так как вообще князь сам по себе не имеет еще по закону такого величания и может пользоваться им только по своему чину, но не именоваться сиятельством. Титул сиятельства, как и титул светлости, у нас вообще для князей никогда установлен не был, а потому может быть присвоен только в силу особого, каждый раз, пожалования от высочайшей власти, и такое пожалование совершается обыкновенно при выдаче князьям, имеющим княжеское достоинство по праву рождения, при пожаловании им утвердительных грамот в этом почетном достоинстве. К таким княжеским родам принадлежат, например, Долгоруковы, Шаховские, Волконские и некоторые другие; но, например, князья из мордвы не имеют права на величание «сиятельством», если в данных им грамотах они сами или вообще род их не признан «сиятельными» князьями. Между тем, так как такое

вполне законное различие между простым князем и князем сиятельным мало кому известно вообще, и еще менее может быть известно относительно каждого рода или каждого отдельного лица, то и установился у нас обычай всех вообще князей и графов, — если только первые не имеют заведомо титула светлости, — величать сиятельством. В Германии, например, при незначительном там числе княжеских фамилий различие это соблюдается строго.

Такая неправильность применяется у нас вообще и к иностранным князьям и графам, и исключение вполне основательно сделано лишь в отношении Демидова, имевшего пожалованный ему королем итальянским титул князя Сан-Донато; покойного Демидова, как и следовало, не величали ни светлостью, ни сиятельством, а только соответственно его чину.

Действительно, если в самой Италии «*il principe*», — по-нашему «князь», — не имеет, без особого пожалования, никакого предиката, и если этот последний не присвоен был Демидову при дозволении ему именоваться

князем в России, то не было никакого повода придавать ему такое особое величание, на какое сам по себе, без высочайшего соизволения, не имеет права и русский князь, хотя бы он по происхождению был Рюрикович или Гедиминович и княжеское его достоинство не подлежало бы ни малейшему сомнению.

Замечание наше насчет титула сиятельства применяется вполне к иностранным графам вообще. Даже при высочайше данном кому-либо дозволении пользоваться в России графским титулом, он не вносится, при составлении «Общего Гербовника», в тот его отдел, в который вносятся роды, получившие почетные титулы от русских государей, но помещается во второй отдел или в третий, наряду с нетитулованными родами, и только делается заметка, что они имеют иностранный титул такого-то и такого-то государства, а затем на причисление к русскому титулованному дворянству требуется особое высочайшее соизволение. Кроме того, графы ни прежнего французского королевства, ни двух французских империй не пользовались и у себя дома никогда никаким предикатом.

То же следует сказать о графах всех других государств, весь титул которых ограничивался только «господин граф» — *monsieur le comte, il signore conte*. Даже в Германии, где графский титул пользуется большим, чем в других государствах, почетом, лишь некоторым графским родам присвоен предикат «сиятельства» — *Erlaucht* — это те старинные немецкие графские фамилии, члены которых в старину носили название «*comites illustrissimi*» и за которыми титул этот был утвержден сеймом бывшего германского союза 13-го февраля 1829 года. Все же остальные графы довольствуются — да и то в виде вежливого, а не обязательного обращения — величанием «высокоблагородия», т. е. *Nochwohlgeboren*. При первых у нас пожалованиях графских титулов лицам, получившим их, присвоивали только предикат «высокоблагородие».

Между тем при Петре все сенаторы, без различия, был ли он граф или князь, титулуемы были «сиятельством».

Говоря о применении у нас к иностранным графским титулам величания «сиятель-

ством», должно заметить следующую непоследовательность. В русском подданстве состоит несколько фамилий, как, например, де-Траверсе, Пауллучи, за которыми признается русским правительством не употребляемый у нас вообще титул «маркизов», но при сношениях с ними ни в казенной, ни в частной переписке им не придается «сиятельства». Между тем маркиз или маркграф одной степенью выше графа. Из этого следует, что если у нас всех графов, и между ними и иностранными, чествуют «сиятельством», то тем соответственнее придавать такое величание и всем маркизам.

VI

Баронский титул

Древний титул «барон» (по-латини Баго) был в Западной Европе, в течение средних веков, самым почетным титулом. Там в это время под словом «барон» подразумевались не только высшие государственные чины, но и вообще все феодальные владетели, хотя бы они имели и герцогские, и княжеские, и маркграфские, и графские титулы. Во время крестовых походов титул этот был занесен на Восток и там приобрел такой большой почет, что и донныне среди армян, живущих в России и в Турции, титул барона считается высшим отличием, так как там с названием барона сохранилась память о прославившихся крестовых вождях, отнявших Иерусалим от неверных.

У нас, на Руси, как в стране чуждой всякой феодальной закваске, никогда никаких баронов не могло быть и в заводе. Тем не менее» вследствие сношений разного рода русских с немецкими рыцарями, завоевавшими юж-

но-восточное побережье Балтийского моря, в старинных наших рукописных памятниках упоминается о баронах, которых стали называть у немцев «фрейгерами» (Freiherr), а по-русски стали переводить это слово «вольный господин». Такой перевод был верен не только буквально, но и по тому значению, какое имеет «фрейгер», будучи владельцем поместья, не зависевшим ни от кого, кроме государя или, применительно к тевтонскому ордену, от его гермейстера.

Между тем в Западной Европе титул барона не только начал утрачивать постепенно свое прежнее значение, но и приходил в пренебрежение. Баронов, — только по дипломам, а не по поземельным владениям, — расплодилось очень много, особенно когда прежние мелкие германские владетели присвоили себе право раздавать баронский титул. Наконец, титул этот потерял в общественном мнении всякое уважение, когда им стали украшаться всякие проходимцы, а также и разбогатевшие евреи. В настоящее время таких баронов очень много и во Франции, и в Италии, и в Германии, преимущественно же в Ав-

стрии.

Что касается баронов, находящихся в России, то их можно разделить на три разряда; на баронов, получивших этот титул от русских государей, на баронов, пожалованных этим титулом иностранными государями, и на баронов, носящих этот титул вследствие своего старинного немецко-дворянского происхождения, без особого пожалования.

До Петра Великого «русских баронов» вовсе не было. Первым из них был пожалован, в 1710 году, подканцлер Шафиров, внук крещенного еврея. В 1721 году, Петр дал русско-баронский титул тайному советнику Остерману, сыну немецкого пастора, за заключение Ништадтского мира. Затем, в 1722 году, были Петром пожалованы в бароны три брата Строгановых, носившие до этого времени звание именитых людей и не числившиеся не только среди московского боярства, но и среди служилого дворянства.

Екатерина I, в 1726 году, пожаловала бароном Луку Четихина, по преданию любимого своего карлика, а в следующем году выдала диплом на баронство трем братьям Соловье-

вым, происходившим из мещанского сословия, которых еще Петр I, за услуги их по торговой части, обещал пожаловать в бароны. При Петре II были возведены в бароны; Констанс, камердинер государя, и камер-юнкер Пospelов. Елисавета Петровна пожаловала баронство только одному, а именно тайному советнику Черкасову.

Екатерина II была довольна щедро на раздачу баронского титула. При ней получили его в 1769 году англичанин, лейб-медик Димздель и второй его сын, с соблюдением в этом случае английского порядка по наследованию почетных титулов, т. е. с переходом его по праву первородства в нисходящем потомстве каждого из пожалованных лиц. В 1773 году получил от Екатерины II баронский титул банкир Фредерикс, русский резидент при дворе князя-епископа любского, Местмахер, генерал-майор Спренгпортен, и в 1789 году, выслужившийся из вольноопределившихся до чина генерал-аншефа, Меллер, причем к прежнему его прозванию было, по пожалованному ему поместью за рекою Комелью, прибавлено прозвание Закомельский.

Император Павел Петрович, любивший, — как замечено выше, — раздавать почетные титулы, пожаловал, в день своего коронавания, 5-го апреля 1797 года, баронами: государственного казначея, тайного советника Васильева и с. — петербургского коменданта Аракчеева, а в 1799 году, — егермейстера Кутайсова. Все эти бароны были впоследствии графами. Кроме их, Павел в 1800 году в один день пожаловал баронами трех придворных банкиров, а именно: московского купца Роговникова, португальца Вельо и немца Раля.

При императоре Александре Павловиче был пожалован бароном только один — действительный тайный советник и сенатор Колокольцев, потомок татарского рода. Современники его передавали, что Колокольцеву очень желательно было получить графское достоинство, и что молодые люди, — это было в 1801 году, — окружавшие государя, желая подшутить над искательным честолюбцем, внушили государю мысль пожаловать его совершенно неожиданно бароном, а он с своей стороны был крайне огорчен, как насмешкою, такую наградою, которая только что пе-

ред этим дана была сразу трем банкирам и которая не подходила к его высокому чину и важному в то время сенаторскому званию. Огорченный сановник обречен был просуществовать бароном семнадцать лет, до конца своей жизни.

Император Николай Павлович пожаловал баронский титул тоже одному только лицу — придворному банкиру Штиглицу в день своей коронации, 22-го августа 1826 года, а император Александр Николаевич дал баронский титул: известному суконному фабриканту в царстве Польском Захерту, придворному банкиру Фелейзину и главе с. — петербургского купеческого дома Кусову, в столетнюю годовщину этого дома.

Частое пожалование в России баронами лиц купеческого звания породило у нас ошибочное мнение, будто первенствующий представитель торгового дома и потомство этого представителя, если такой дом просуществует сто лет, имеют «по закону» право на получение баронского титула. Между тем, такого закона не существует, да и никогда не существовало.

Другой разряд баронов, находящихся в русском подданстве, — это бароны, получившие баронский титул, хотя тоже от русских государей, но только по великому княжеству Финляндскому. Пожалованы были такими баронами десять лиц, а последний из них, получивший титул, был министр статс-секретарь по великому княжеству Финляндскому тайный советник Брунн. Титул этот дан был ему в день коронации ныне царствующего государя императора.

Кроме того, существуют у нас немало, в общей сложности, баронов прежней Римской и нынешней Австрийской империй, бывшей первой Французской империи и королевств Шведского и Сардинского, а также бароны некоторых мелких германских государств. Пожалование иностранного баронского титула не дает прав на дворянство в России, и, например, бароны Гауф и Гинцбург оставались в звании потомственных почетных граждан, в каком они состояли до получения титула, которым им только было дозволено пользоваться в России, Такое дозволение, но не «утверждение» кого-либо в каком-либо почет-

ном титуле не делает никого в России обязательным употреблять этот титул в сношениях с тем, кто имеет им право пользоваться.

Наконец, к третьему разряду баронов из русских подданных следует отнести многочисленных баронов из остзейских провинций. Там, кроме тех дворянских фамилий, которые носят полученный от разных государей общий баронский, а не исключительно немецкий фрейгерский титул, есть еще свои местные бароны, право которых на этот титул истекает из особого исторического начала. В отношении к немецкому прибалтийскому дворянству, русское правительство сделало в сущности то же самое, что сделало австрийское правительство в отношении к польскому дворянству в Галиции.

По присоединении этого края к наследственным владениям Габсбургского дома, австрийское правительство, для привлечения на свою сторону польского дворянства, узаконило, что те польские шляхетские роды, в числе прямых предков которых был «староста», т. е. владелец имения, отданного во временное пользование королем, имеют право

на графский титул по королевству Галицийскому. Вследствие этого у нас находится немало австро-польских графов. В свою очередь и русское правительство по отношению к немецко-прибалтийскому краю, в 1846 году, постановило, что в этом крае имеют право на баронский титул те старинные дворянские фамилии, которые во время присоединения к России Лифляндии, Эстляндии и Курляндии записаны были в тамошних местных матрикулах, т. е. дворянских родословных книгах, и потом в указах, рескриптах и других публичных актах именованы были баронским титулом. При первом из этих условий, остзейские бароны, по древности своего дворянского происхождения, сплошь и рядом, могут уступать русским дворянам, внесенным в шестую часть дворянской книги, так как для внесения в эту часть нужно доказать дворянство, по крайней мере, за двести лет от настоящего времени, тогда как в остзейском крае такой древности не требуется.

Право на баронский титул в Остзейском крае принадлежит не только тем лицам, с их прямым потомством, которые в упомянутых

выше актах именовались баронами, но вообще всему их роду, т. е. всем лицам, которые, нося одну с ними фамилию, представят законные доказательства о происхождении своем от одного общего родоначальника, записанного в местных матрикулах до присоединения прибалтийских областей к России.

Баронскому титулу не придается у нас никакого дополнительного величания. Надобно, впрочем, заметить, что Петр I в грамоте, данной им на баронство тайному советнику Шафирову, наименовал его и ней «превосходительным», но такое величание относилось к нему, Шафирову, а не к жалуемому ему баронскому титулу. Елисавета Петровна в грамоте, данной на такой же титул тайному советнику Черкасову, наименовала его в ней только «высокородным», так что понизила его против личного его величания, но зато титул «высокородия» распространен был на все его нисходящее потомство, хотя бы оно и было вовсе бесчинное.

Слияние иноземцев с русскими

(Исторический очерк)[1]

Обыкновенно у нас думают, что значение иностранцев в России началось собственно со времен Петра Великого, так гостеприимно принимавшего в русскую службу инородцев и так охотно заимствовавшего у них как военные и гражданские порядки, так и обстановку общественной и домашней жизни. Мнение это, однако, не вполне верно, потому что выгодное положение людей «выезжих» установилось на Руси издавна. Со времен же Петра в этом отношении замечается та разница, что взамен выходцев преимущественно с востока, из татар, в России начали преобладать выходцы из западной Европы, и без всякого сомнения эти последние были, во многих отношениях, полезнее первых.

Достоверно или вымышленно, но история государства российского начинается с прихода из-за моря неразгаданных досель чужеземцев-варягов, приглашенных владеть и кня-

жить в земле славянской. Местное же наше церковное управление, со времени водворения христианства, было подчинено долгое время исключительно греческим иерархам и клиру, состоявшему из греков, и не без больших усилий со стороны великокняжеской власти и русской паствы удалось, наконец, ставить митрополитов из природных русских. Позднее Русь подпала под господство азиатских выходцев-татар. По свержении же их ига, в Москве снова появились весьма заметными деятелями приезжие греки. В малолетство царя Ивана Васильевича самыми первенствующими вельможами были князья Глинские, литовские выходцы, потомки татарского военачальника Мамай. Когда же этот государь разделил царство московское на опричнину и земщину, то управление государством он передал не природному русскому, а крещеному татарину Симеону Бекбулатовичу, наименовав его великим князем московским и вся Руси. Передача была номинальная, конечно. Сам же царь перед иноземными послами нередко хвалился своим нерусским происхождением, выводя свое ро-

доначалие то из Баварии, то из Рима от Августа-Кесаря. Царь Борис Феодорович Годунов, татарин по происхождению, делал то же, что впоследствии Петр Великий: он благосклонно и с почетом принимал в Москве иноземцев, приглашая их вступать в свою службу на самых выгодных для них условиях. По пресечении на московском престоле рода Рюриковичей, звали на русское царство иноземных королевичей: в Москве — польского, а в Новгороде — шведского; последнее, впрочем, объясняется смутным временем и было делом партии, с которой народ не имел ничего общего. Призыв иностранцев на службу продолжался. При царе Алексее Михайловиче были уже в Москве целые полки из иноземцев, из них же состояла и охранная царская стража. При нем же, для сочинения «Уложения были вызваны законоведы из Польши. В исходе XVII столетия почти во всех русских боярских домах и даже в царской семье наставниками были выходцы из Польши.

К этому нужно прибавить, что у нас, в XVI и XVII столетиях, главными торговыми деятелями были любчане, голландцы и англичане;

в то же время артиллеристы, инженеры, архитекторы, рудокопы, литейщики, врачи и ремесленники, составлявшие значительную часть населения в Москве, были преимущественно из иноземцев. Таким образом выезджие люди еще до Петра Великого занимали у нас видное место по разным отраслям общественной и промышленной деятельности, так что Петр I своими западно-европейскими реформами только усилил прилив иностранцев в Россию, продолжая в сущности поступать и этом случае так же, как поступали некоторые из его предшественников.

До какой степени и в стародревней еще Руси был силен прилив иноземцев, лучше всего можно судить по тем элементам, из которых сложился у нас правящий класс, — стоявший на высшей ступени государственных и придворной службы — коренное русское боярство. Если мы обратимся к «бархатной книге», хранящейся ныне в подлиннике в департаменте герольдии при правительствующем сенате и так названной по ее бархатному переплету, то увидим, что почти все наше древнее дворянство ведет свое начало от иноземцев,

выезжавших в разное время на службу к великим князьям киевским, черниговским, тверским, рязанским, московским и новгородским. Мысль о том, что все древнее наше дворянство не русского, а иноземного происхождения, утвердилась до такой степени, что при издании в 1785 году общей формы для родословных росписей древних дворянских фамилий постановлено указывать о родоначальнике каждой такой фамилии в следующей формуле: «выехал в Россию оттуда-то при великом князе таком-то». Такая формула как нельзя более приближается к действительности. Из дворянских фамилий, внесенных в «бархатную книгу», кроме фамилий, происшедших от Рюрика, нет ни одной не только коренной московской, но даже вообще и великорусской фамилии, так как родоначальники их были из кесагов (черкесов), литовцев, пруссов, волынян, галичан, германцев, татар, шведов и греков. В достоверности такого факта нельзя сомневаться, так как лица, носившие разные уже коренные русские фамильные прозвания и отделившиеся от общего корня за триста или четыреста лет, счи-

тали себя однородными и все сводили себя к тому или другому родоначальнику из иноземцев. Кроме упомянутых родов, существует у нас еще весьма много древних дворянских фамилий, неизвестно почему именно не внесенных в бархатную книгу, родоначальники которых выехали также в Русь из-чужа. Вдобавок к этому, в средневосточных губерниях России большая часть местного дворянства составила из крещенных татарских мурз и так называемых мордовских «панков». Эти инородцы пользовались, сравнительно с коренными русскими, большим почетом, так как им при крещении давался княжеский титул. Вследствие этого у нас существует до 100 таких княжеских фамилий татарского и мордовского происхождения, которые никогда не были известны ни в истории, ни в служебном поприще, ни в обществе. Потомки упомянутых мордвы и татар, в качестве помещиков, сделались преобладающим классом над коренным русским населением.

Затронув вопрос о слишком заметном преобладании, сперва среди боярства, а потом и среди древнего великорусского дворянства,

иноземных элементов, мы не будем говорить здесь о таких, хотя и совершенно обруселых, фамилиях, в которых слышится явственно их не-великорусское происхождение; мы остановимся только на таких, которые и по их созвучию, и по значению, и по окончанию кажутся безусловно русскими, между тем как родоначальники их были выезджие иноземцы. Так исторически известная фамилия графов и дворян Шереметевых, князя, графы и дворяне Салтыковы, представители одной из самых знаменитых у нас фамилий; Морозовы — имевшие некогда такое большое значение при царском дворе — потомки пруссаков. Графы и дворяне: Апраксины — татарина, Толстые — немца, Головины — грека, Валуевы Воловичи — знатного литовца, сын и внук которого участвовали, в 1380 году в знаменитой куликовской битве, где пал первый из них боярин Тимофей Васильевич; участником в этой битве был и предок Квашниных-Самариных, внук выходца из Галиции. Такой перечень русско-иноземных родов можно было бы продолжить на нескольких страницах, и тогда мы увидели бы, что под такими чисто рус-

скими фамилиями, как, напр., Левшины (Левешштейн), Соковнины (Икскюли), Козодавлеты (Кос-фон-Дален), Яхонтовы (фон-Долен), Левашевы «тоже), Мятлевы, Неплюевы, Протопоповы, Пупковы и т. д. кроются потомки выезжих в Россию немцев. Фамилию Лихачевых (Лиховичи), как нельзя более русскую и довольно известную в нашей истории в конце XVII столетия, носят потомки литовского выходца. Нагие, из рода которых была мать царевича святого Димитрия Угличского, пошли от выезжавшего в Россию датчанина, Грязновы — от француза, Возницыны — от поляка, Бестужевы — от англичанина, Нащокины — итальянца, а известная английская фамилия Гамильтон обратилась в чисто русскую фамилию Хомутовых.

Некоторые из родоначальников древних русских дворянских фамилий приходили в Россию не в одиночку, но со своими единоплеменниками. Так, например, родоначальник Квашниных-Самариных, галичанин Нестор Рябец, привел с собою дружину, численностью около 1700 человек, а родоначальник Толстых, немец Индрис — около 2000, Та-

ким образом и ратные силы древней Руси значительно пополнялись иноземными выходцами, и такой их прилив не мог, конечно, оставаться без влияния на наш военный быт в XIII и XIV столетиях. Правда, что все древние иноземные роды давно уже и вполне обрусели, по ввиду того, что все так называемое столбовое дворянство наше произошло от иноземцев, занимавших высшие военные, гражданские и придворные должности, нельзя не признать, что у нас иноземцы искони пользовались особым почетом. Потомки их не только были равны во всем с коренными русскими, но очень часто заслоняли их собою. Так, например, князья Черкасские, происходящие от египетского султана Инала, и князья Урусовы, потомки татарского военачальника Эдигея, в XVII веке бывали только в боярах, а в окольных не были, и это было очевидным признаком их «дородства» или знатности. Они, да и другие многие выезджие роды, успешно местничали с Рюриковичами, из которых многие, как тогда говорилось, «захудали». Мы уже видели, что в составе древнего русского дворянства были выходцы из

разных народностей; только еврейское племя не имело в нем своих представителей. Но в новом дворянстве оказались и они. Так при Петре Великом вице-канцлер барон Шафиров был внук крещеного еврея Шапира; известный около той же поры русский дипломат Веселовский был также еврей по происхождению. Добавим к этому, что вступившие позднее в русское подданство князья Багратионы считаются потомками израильского царя Давида, хотя это так же достоверно, как происхождение Багратионов по прямой линии от Адама.

Представив в кратком очерке значение иноземного элемента в древней России, обратимся теперь в частности к иноземному происхождению личностей знаменитых или известных в нашей отечественной истории. Таких личностей отыщется весьма много, в особенности если мы станем восходить к началу фамилий и верить всем родословным на слово. Эту оговорку считаем необходимою для поверки следующих данных. В первой половине прошлого столетия некоторые иерархи нашей церкви и между ними известный Ар-

сений, митрополит ростовский, были польского происхождения, а метивший на упраздненный патриарший престол епископ воронежский Георгий был потомок татарина, Прославившийся в смутное время своими патристическими доблестями келарь троицко-сергиевской лавры, Авраамий Палицын, имел своим родоначальником польского пана.

От церкви перейдем к ратному делу.

Из числа бывших у нас до сего времени генерал-фельдмаршалов, не считая при этом лиц из русского Императорского и других владетельных домов, двое Разумовских, Гудович и Паскевич, — были природные малороссы. Из прочих фельдмаршалов, Головин был потомок греческого князя, Шереметев — выходца из Пруссии, герцог Кроа — бельгиец, Сапега — поляк, Брюс — шотландец, Миних — ольденбуржец, двое князей Трубецких — потомки великого князя Литовского Гедимина, Ласси — ирландец, Бутурлин — потомок немецкого выходца, Апраксин — татарина, трое Салтыковых — пруссака, Бестужев-Рюмин — англичанина, Голицын — Гедимина, двое Чернышевых — поляка, также как и зна-

менитый князь Потемкин-Таврический, происходивший из фамилии заурядных польских шляхтичей Петемпских. Прославленный в боевых наших летописях фельдмаршал, а потом генералиссимус, князь Италийский граф Суворов-Рымнинский происходил от выехавшею и Россию шведа. От того самого родоначальника произошел и один из наиболее известных севастопольских героев генерал Хрулев. Далее мы заметим, что фельдмаршал Мусин-Пушкин был потомок немецкого выходца, Эльмит — природный немец, герцог Брольо — француз. Признанный спасителем отечества в 1812 году князь Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов-Смоленский был потомок выехавшего в Россию немца Гавриила. Заметим кстати, что мать его, как и мать прославившегося перед тем за двести лет избавителя Москвы от поляков князя Димитрия Михайловича Пожарского, была из рода Беклемишевых, ведущего свое начало также от немецкого выходца по имени Льва. Князь Воронцов — был потомок варяга Африкана.

Фельдмаршал Барклаи-де-Толли, Витгенштейн, фон-дер Остен-Сакен, Дибич-Забалкан-

ский и Берг были не русские. К ним нужно причислить и знаменитого герцога Виллингтона.

Таким образом оказывается, что из 45 бывших у нас с 1700 г. фельдмаршалов, исключая лиц из владетельных домов, высшее военное звание принадлежало: 13 — русским, происшедшим от иноземцев, выехавших в Россию, 12 — иностранцам или остзейским немцам, 6 — Рюриковичам, 6 — Гедиминовичам, 4 — малороссам, так что в числе русских были собственно не иноземного происхождения только два фельдмаршала — братья Шуваловы. Что же касается фельдмаршала Каменского, то род его неизвестен, а о князе Меишнкове сохранилось известие, что он был литовского происхождения.

К числу знаменитейших наших военачальников, хотя и русских, но иноземного происхождения, принадлежал и Алексей Петрович Ермолов, потомок татарского мурзы Арслана-Ермола. От татарского же мурзы происходил и известный наш партизан и стихотворец Денис Васильевич Давыдов.

Из числа бывших у нас первенствующих

гражданских сановников — государственных канцлеров, были иноземного происхождения князь Черкасский, Бестужев-Рюмин, Воронцов и Панин, — потомок итальянца, выехавшего в Россию из Лукки; двое малороссов: Безбородко и Кочубей, и два немца — Остерман и Нессельроде; мать последнего была дочь португальского банкира из евреев. Затем канцлерами были только два исконных русских: Головкин и Румянцев; из Рюриковичей один — князь Горнаков. Вице-канцлерами, кроме Головкина, Остермана, Панина, Кочубея, Нессельроде и князя Горчакова, пожалованных канцлерами, были: барон Шафиров, еврей по происхождению, граф Ростопчин — татарин, Колычев — потомок прусского выходца, Голицын и Куракин, происшедшие от Гедемина.

Было бы чрезвычайно долго исчислять известных наших государственных деятелей, подходящих под то условие, о котором мы здесь говорим. Мы заметим только, что, например, графам Орловым, екатерининских времен — людям вполне русским, приписывается, по их родоначальнику, «мужу честну» Льву, немецкое происхождение, а из извест-

ных у нас государственных людей были: председатели государственного совета: граф Новосильцев — потомок шведа Шалая, князь Васильчиков — немца Индриса, граф Левашов — немца Дола и граф Блудов — венгерца. Министр Юстиции Дашков и министры народного просвещения граф Уваров и князь Шири некий имели своими родоначальниками татарских мурз. Татарского происхождения были министр Бабилов и известный государственный деятель Мордвинов. Памятный своим руссофильством адмирал-министр Шишков был, по родоначальнику, вольнянин, министр внутренних дел граф Ланской происходил от польского выходца. Если при этом принять в соображение и те фамилии иноземного происхождения, о которых мы говорили выше, то окажется, что едва ли не большая часть известных наших государственных деятелей, как в прежнее время, так и в позднейшее принадлежала к русско-иноземным родам.

Теперь остается нам перейти в область умственной нашей деятельности, — в область нашего национального творчества, — и по-

смотреть, насколько там отозвалась родовая помесь русских с иноземцами. В конце XVII столетия заметными двигателями умственных сил в Москве являются по преимуществу выходцы из Польши, вносящие в русскую образованность западно-европейский оттенок. Во главе таких деятелей можно поставить Симеона Полоцкого, имевшего сильное влияние на движение у нас умственного образования. Он же может считаться и одним из видных представителей нашей литературы того времени. После него на литературном поприще выступает у нас князь Антиох Кантемир, потомок омолодававшегося татарина. В первой половине прошлого столетия явился у нас гениальный, без всякой иноземной примеси, человек Ломоносов. Но после него на русском Парнасе занимают почетные места лица иноплеменного происхождения. Державин — потомок татарского мурзы Багрима: о таком происхождении министр-поэт сам вспоминает в своих стихотворениях; Сумароков — потомок шведского выходца, Херасков — происхождением волох; Болтин — татарин. Автор «Недоросля», фон-Визин, про-

исходил от взятого в плен при Иване Грозном ливонского рыцаря. Потомки его оставались в лютеранстве и только дед писателя принял православие. Придавший новое направление нашей литературе, русский историограф Карамзин (Кара-мурза) происходил из татар, Озеров — от выезжего немца. Знаменитый автор «Горя от ума», несмотря на свою вполне великорусскую фамилию, был, однако, неотдаленный потомок поляка Гжибовского, вызванного при царе Алексее Михайловиче для составления «Уложения». Прославившийся в своем роде пиита граф Хвостов в восходящей по мужскому колену линии упирается в немца Бассавола, который был «честью маркграф». Жуковский по матери был турок, а по настоящему отцу Бунину (Буникевский) потомок поляка. От поляков же происходили: Нелединский-Мелецкий и Баратынский. Поэт Лермонтов произошел по отцу от выехавшего из Польши шотландца, а по матери, Арсеньевой, от татарина, Гоголь — от польского шляхтича Яновского, принявшего малороссийскую фамилию Гоголь, под которой стал так известен один из его потомков. Наконец,

Пушкин был по мужскому колену потомок выехавшего в Россию в половине XIII столетия немца Радши, а по женскому — африканского негра.

Мы перечислили почти все имена наиболее выдающихся у нас литературных деятелей прошедшего времени, и оказывается, что большая часть их была иноземного происхождения. Правда, что не только в них, но и в их предках изгладились «всякие следы иноплеменности, так как они были людьми вполне великорусскими, но все-таки нельзя не признать, что если бы в свою пору не существовало на свете, например, мурзы Багрима, татарина Кара-мурзы, поляка Гжибовского, шотландца Лермонтова и немца Радши, то позднее, статься может, не было бы у нас Державина, Карамзина, Грибоедова и Пушкина...

* * *

Евгений Петрович Карнович

РОДОВЫЕ ПРОЗВАНИЯ ТИТУЛЫ В РОССИИ СЛИЯНИЕ ИНОЗЕМЦЕВ С РУССКИМИ

ИБ № 3

Редактор *И. С. Мальский*

Художник *С. В. Цветкова-Матюшина*

Технический редактор *Н. А. Мяготина*

Сдано в набор 23.10.91 г. Подписано в печать 16.12.91 г. Усл. печ. л. 6,5 Усл. кр. отт. —

6,89 Уч. изд. л. 6,72

Тираж 10 000 экз. Тип. зак 1211. Цена договорная

Издательство МФИН 196211, Ленинград пр. Космонавтов, д. 35, ком.27

Примечания

Для этой статьи послужили источниками: «Общий. Гербовник Российской Империи», «Родословные книги», изданные: в 1787 году Новиковым и в позднейшее время кн. П. В. Долгоруковым и редакцией) «Русской Старины», а также некоторые отдельные издания о русских дворянских родах.

[^^^]